Цена номера 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-30-8. Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч
ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек", Москва, 6. Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездниковского) Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
на год до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп. на 3 мес. — 60 коп

к/6240 "ЛИТЕР.ГАЗ." 1-43
120
ЛЕНИНГРАД,
пр.25 Октября д. 28 -
Библиотека Ленингиза
июль -декабрь

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЕГОДНЯ в НОМЕРЕ

ПЕРЕДОВАЯ: Проверка. СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ НА НОВЫХ ПУТЯХ. Плоды с «Красного дерева»—Б. ВОЛИН. (1 стр.) КРИТИКУЕМ РАБОТУ ФЕДЕРАЦИИ: Необходим перелом—СОВЕТ СПР «ПЕРЕВАЛ», Новый дом на старом болоте — Б. ЛЕОНТЬЕВ. Трибуна писателя—С. КЛЫЧКОВ (2 стр.). Похвала Традиции (памфлет) — АНТОНИЙ ГРАЧ. По шахтам и рудникам (очерк) — В. ШМЕРЛИНГ. Книгу детям пролетарской страны — А. ХАЛАТОВ (3 стр.). Информация, театр библиография.

№ 24. Понедельник, 30 сентября 1929 г. | Орган Федерации Об'единений Советских Писателей. | Выходит по понедельникам

ПРОВЕРКА

Наша партия проверяет и чистит свои ряды. Все случайное, все чуждое, все негодное выметается беспощадно. Изучается и проверяется работа партийных организаций под углом зрения соответствия их работы тем новым и огромным задачам, которые поставлены перед ними реконструктивным периодом нашего хозяйства, безостановочным решительным социалистическим наступлением и выкорчевыванием остатков капитализма в нашей стране.

Все внимание партийной, советской, профсоюзной общественности и широчайших масс пролетариата и крестьянства мобилизуется сейчас для участия в проверке и чистке государственного советского и кооперативного аппарата. Надо его упростить, удешевить, улучшить, приблизить его к трудовому населению. Надо обеспечить бесперебойность, точность и доброкачественность его работы, изгнав из него чуждые, вредительские, преступные элементы. Это очень трудная и ответственная работа, требующая громадных усилий и траты энергии.

И перед советской литературой и ее организациями стоят задачи проверки и чистки.

Последние недели прошли под знаком серьезной критики положения дел во **Всероссийском союзе писателей.** Сделаны первые политические и организационные выводы. Союзу предстоит серьезнейшая чистка рядов, принятие определенной литературно - политической платформы, перегруппировка сил и включение себя в ряды советской общественности.

Только что закончившийся расширенный пленум правления **Росс. ассоциации пролет. писателей** прошел под знаком серьезнейшей самокритики и внимательной проверки творческих достижений пролетарской литературы. В будущем предстоит серьезнейшая углубленная работа по перегруппировке сил, организационных и творческих, в соответствии с общими задачами нынешней эпохи социалистического строительства.

Сегодня «Литературная Газета» открывает критику работы **Федерации об'единений советских писателей.** Уже был поставлен вопрос о газете, являющейся органом ФОСП, но за нахлынувшими другими событиями в жизни советской литературы мы не в состоянии были подойти вплотную к реализации задач, в свое время поставленных нами в порядке самокритики. Сейчас этот вопрос снова встает и одновременно, в связи с «историей» с «Красным деревом» и положением дел в союзе писателей встают общие вопросы положения в Федерации, как организационного, так и литературно-политического характера. Федерация и отдельные организации, входящие в ее состав, должны безотлагательно со всей серьезностью поставить перед собою эти вопросы.

И другие организации нашего писательства — «Кузница», Общество крестьянских писателей, «Перевал» и все остальные — должны поставить по существу, каждая для себя, все те же вопросы: состав, политические задачи, творческие вопросы, взаимоотношения с другими литературными организациями и группировками, воспитание кадров, работа с молодняком, вопросы критики и т. д., и т. п.

Перед нашими литературными и критическими журналами, перед редакциями литературных страниц наших газет также стоит важнейшая задача—пересмотра своей работы в сторону большей политической ответственности и предупреждения тех прорывов и провалов, которых было немало в истекшем году.

Проверка всей литературной работы сверху-до-низу и снизу-до-верху, жесточайшая самокритика, невзирая на лица, таланты, организации и группы, решительная очистка от всего негодного, вредного, чуждого, перестройка работы и перегруппировка сил во имя осуществления задач социалистического строительства, одним из составных элементов которого являются культурная революция и ее важнейший участок — литература, — таковы важнейшие лозунги дня, поставленные всей советской действительностью перед нашей литературой.

Один лозунг является для всех основным — об'единение всех литературных подлинно-советских сил для борьбы с буржуазной литературой, для борьбы против аполитичности и «внеклассовости» среди писателей Советского Союза. Это очень трудная и ответственная задача, над разрешением которой следует и стоит потрудиться всему советскому писательству, его организациям и отдельным его работникам.

ПОДГОТОВКА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В АВСТРИИ

ПЕЧАТЬ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

Из Вены сообщают ТАСС: «Правительственная печать, комментируя программную декларацию Шобера, оценивает ее как выражение полной солидарности с хеймвером. В заявлении Шобера, что правительство хочет уничтожить «гипертрофию парламентаризма», газеты усматривают намерение реорганизовать государственный строй Австрии. Газета «Рейхспост» приветствует «мужественное» заявление нового канцлера о том, что задачей правительства является не борьба с хеймвером, а тесное сотрудничество с ним на почве законности. Газета иронически заявляет, что «социал-демократии придется проявить крайнее послушание, чтобы буржуазные партии могли забыть о ее прошлом». «Винер Нейесте Нахрихтен» отмечает удовлетворение хеймверов программным заявлением Шобера. «Осуществление правительственной программы, — пишет газета, — сделает международный кризис парламентаризма менее чувствительным для Австрии».

Социал-демократическая «Арбейтер-цейтунг», характеризуя позицию нового правительства, пишет: «Совершенно ясно, что новое правительство не будет стремиться к укреплению демократии. Социал-демократы не будут голосовать за программу Шобера. Если же он действительно захочет ее осуществить, то Австрия стоит перед тяжелыми потрясениями. Пролетариат должен быть наготове».

Коммунистическая «Роте Фане» подчеркивает, что программа нового правительства означает открытую подготовку фашистской диктатуры». Призыв социал-демократов к Шоберу снискать доверие рабочих, — пишет газета, — ярко характеризует их социал-фашистскую позицию».

РАБОЧИЕ ДЕМОНСТРИРУЮТ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ШОБЕРА. АРЕСТ ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ДЕЙСТВИЯ.

ТАСС сообщают из Вены: 27 сентября, опять состоялись демонстрации рабочих против правительства Шобера. Местная районная организация соц.-демократической молодежи устроила собрание совместно с коммунистической молодежью. После собрания состоялась демонстрация, которая была рассеяна полицией.

Венская красная рабочая оборона созвала вчера в предместьи Мейдлинг собрание. В другом зале того же помещения шло собрание хеймверов. Когда по окончании собрания рабочая оборона запела «Интернационал» и раздались возгласы «долой Шобера», в зал вторвалась полиция и бросилась на рабочих, избивая их резиновыми дубинками. Рабочие оборонялись стульями, ремнями и в конце-концов заставили полицию открыть выход из помещения, 16 рабочих ранено, многие арестованы.

Вчера были арестованы пять членов революционного комитета действия. Вчера же были арестованы члены ЦК австрийской компартии Фиала и Циглер.

В рабочих бараках произведены обыски. Полиция искала программу действий, принятую 26 сентября на конференции революционных фабзавкомов.

ПОЛИЦИЯ И ВОЙСКА В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

ТАСС сообщают из Вены: «Вся буржуазная и социал-демократическая печать пытается ослабить значение предстоящих 29 шествий хеймвера, ссылаясь на широкие предупредительные меры, принятые властями. В четырех окружающих Вену городах, в особенности же в Медлинге, сконцентрированы жандармерия и войска. В Нижней Австрии полиция и войска приведены в боевую готовность, при чем туда переброшены части венской полиции и воинские части из Верхней Австрии.

Как сообщает «Нейе Фрейе Прессе», 29 и 30 сентября на венских вокзалах полиция будет производить личные обыски пассажиров в поисках оружия. По распоряжению военного министра за последние два дня в социал-демократических общинах Нейкирхен, Глогниц и Перниц конфискованы хранившиеся в ратушах с 1920 года оружие и пулеметы. Конфискован сегодняшний номер «Роте Фане», в котором выдвигается лозунг наступления в целях обороны».

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ НА НОВЫХ ПУТЯХ

ВСП переименован в Всероссийский Союз Советских Писателей. Намечены основные линии дальнейшей работы. Необходимо еще больше твердости, четкости и политической ясности со стороны нового руководства Союза и особенно—его ленинградского отдела в проведении важнейших мероприятий—в чистке рядов ВССП и выработке литературно-политической платформы.

ВСП ПЕРЕИМЕНОВАН ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

НАЧАЛАСЬ ПЕРЕРЕГИСТРАЦИЯ ЧЛЕНОВ ВСП

На внеочередном заседании правления ВСП решено переменить название Всероссийского Союза Писателей на **Всероссийский Союз Советских Писателей.**

Правление ВСП заслушало отчет делегации московского отдела ВСП, выезжавшей в Ленинград в составе тт. Леонова, Кириллова, Шмидта и Кина. Делегация присутствовала на общем собрании членов ленинградского отдела Всероссийского Союза Писателей.

Общее собрание ленинградских писателей присоединилось к резолюции общего экстренного собрания московского отдела членов ВСП по вопросу о Пильняке.

Правление московского отдела ВСП обратилось в ленинградский отдел ВСП с предложением рассмотреть вопрос о переименовании союза.

***

Приступила к работе комиссия по перерегистрации членов ВССП. К очередному заседанию правления ВССП — 4 октября будут вынесены на широкое обсуждение разработанный устав и платформа ВССП.

Разработан календарный план работы ВССП на ближайшие два месяца. Избрана культкомиссия в составе т.т. Павленко, Скосырева, Благого. При союзе будут организованы секции и кружки: по изучению марксистского литературоведения, искусства, кружок молодых писателей, развернута бесплатная консультация и т. д. Намечено организовать выступления писателей — членов ВССП в рабочих районах. В ближайшее время будет проведен ряд литературных вечеров по общественно-политическим вопросам.

На последнем заседании правления ВССП был заслушан доклад о работе музея новейшей современной литературы при Доме Герцена. Организована комиссия по реорганизации литературного музея. Решено привлечь к реорганизации Федерацию советских писателей.

Замятин прислал об'яснения по поводу романа. Что же он пишет?

Он отделывается хронологией. Вместо прямого ответа на вопросы поставленные ему советской общественностью: **достойно ли звания советского писателя издание произведений, не приемлемых советской общественностью, за границей, отказывается ли Замятин от своего пасквиля на социализм,**—он довольно-таки неловко обходит эти волнующие вопросы. С ведома и согласия Замятина роман «Мы» переводится на английский язык, таким образом, он предоставил свое произведение для переиздания всему буржуазному миру. И не фарисейством ли является его «протест» по поводу печатания романа в «Воле России»?

Собрание присоединилось к резолюции, принятой общим собранием московского отдела союза.

Несколько тягостное впечатление оставило сочувствие, которое было выражено «речи» Гизетти. Это лишний раз говорит о том, что в ленинградском отделе необходима серьезная чистка. Мы не стоим на той точке зрения, что ВСП состоит из пильняков. Это, однако, не находится в противоречии с тем что союз должен избавиться от чуждых литературе и советской общественности элементов. Лишь в этом случае союз станет на правильный путь и сможет по-серьезному осуществить стоящие перед ним задачи.

КАК РЕОРГАНИЗОВАТЬ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

АНКЕТА СРЕДИ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ ВСП

Л. Леонов.

Основным камнем, на котором споткнулось старое руководство Всероссийского союза писателей, были пресловутая **аполитичность** и чрезвычайная расплывчатость общей идейной установки ВСП.

Я думаю, что прежде всего новое правление ВССП должно исправить ошибки старого руководства правления союза. Мы должны исправить эту затянувшуюся оплошность старого руководства, потому что в наше время любая мелочь в корне и основе своей имеет крупную политическую проблему.

Ближайшая задача нового правления ВССП, это — **приблизить союз к советской общественности, пронизать всю деятельность Всероссийского союза писателей общественно-политической работой.** По этому пути должны пройти реорганизация ВССП и его новое руководство.

Н. Огнев.

В основу новой деятельности Всероссийского союза советских писателей должен быть положен лозунг «Советский писатель — активный участник социалистического строительства». В этом раскрытии термина «советский писатель» и заключается работа комиссии по выработке платформы ВССП. На первом плане деятельности советского писателя должно быть не только отражение действительности, но и организация сознания широких рабочих и крестьянских масс.

Л. Шмидт

Главное в дальнейшей работе правления — включить всех членов союза в повседневную деятельность, поставить работу таким образом, чтобы каждый писатель чувствовал, что он член Союза советских писателей.

Намеченная программа деятельности исходит именно из этих предпосылок. Однако, нельзя закрывать глаза на то, что и ныне имеются опасности бюрократизации правления. Добрых намерений и энергии с его стороны недостаточно. Косность и инертность писательские общеизвестны, — их необходимо побороть. Взаимодействие правления и членов союза — залог здоровой организации.

В настоящее время имеется огромный интерес к нашему обновленному союзу. Я знаю видных писателей, не состоявших до последнего времени ни в одной писательской организации, вступающих в наш союз. Это опрокидывает заявление о ненужности и бесцельности союза. Одновременно это говорит и о том, что правлению надо решительно и четко провести в жизнь постановления общего собрания, а главное — создать такой союз писателей, который по своему характеру и составу своему был бы действительно **советским.**

В. Кириллов.

Всероссийский союз советских писателей ведет свою работу по выполнению директив, данных общим собранием писателей, о коренной реорганизации ВСП.

В течение двух ближайших месяцев, которые предоставлены собранием писателей временному правлению ВССП, мы надеемся закончить сложную работу по перерегистрации членов союза. Во время перерегистрации ВССП будет освобожден и очищен от лиц утративших связь с современной советской литературой. Кроме того, будет выработана идеологическая, а возможно, и художественная платформа ВССП.

Вся работа, проделанная временным правлением ВССП, будет вынесена на широкое обсуждение и утверждение общего собрания членов ВССП.

В. Лидин

Беда ВСП была в том, что он был безличен, и что в нем было меньше писателей, чем людей, косвенно имевших отношение к литературе или даже не имевших его вовсе.

Союз плыл по инерции традиций, созданных 10 лет назад и необновленных за эти годы.

ВССП нужно обзавестись твердой идейной платформой. Уход из союза сейчас,—или точку зрения, что с союзом делать ныне нечего.—я считаю неправильным и вредящим делу писательской общественности.

Союз за 10 лет собрал писательские силы, многим помог своим авторитетом, и в наши дни социалистического строительства разрушать это нужное здание было бы непоправимым делом.

Задача ближайших месяцев — проверить наши ряды, освежить устав, выработать платформу, а главное — стать действительно писательской общественной организацией, собирающей ряды настоящего писательства и приближающей его к задачам и целям, которые ныне стоят перед страной.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ СОЛИДАРИЗИРОВАЛИСЬ С МОСКОВСКИМИ

СО ПРОТИВ[illegible]ЕНИЕ РЕАКЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

(Экстренное общее собрание ленинградского отдела ВСП)

В воскресенье, 22 сентября, в Ленинграде состоялось экстренное общее собрание членов ВСП. Интерес к собранию был необычаен. Не только члены ленинградского отдела проявили огромный интерес к событиям в союзе. Студенчество, журналисты, и надо сказать, и обыватели (звонили: у вас сегодня судят Пильняка и Замятина?) стремились попасть на собрание, но тесное помещение, едва вместившее членов организации, не дало возможности присутствовать всем желающим.

Что явилось главным и характерным для экстренного собрания? Положение в ленинградском отделе ВСП и об'яснения Замятина в связи с выходом за границей его романа «Мы».

Положение в Ленинграде немногим отличается от того, что было в Москве до перевыборов, хотя нужно сказать, что там все же кое-какая работа велась. На ряду с этим, большинство руководства союза, не в пример тому, что было в Москве, несомненно, авторитетно. И все же правление не ставило вопросов о чистке, перерегистрации, выработке платформы, не занималось политическим воспитанием своих членов. Немногие из выступавших ленинградцев заострили внимание на этих вопросах.

Симптоматичным было выступление В. Каверина. Он говорил о неподобающим тоне докладчика от имени правления т. Козакова, который, в сущности замазывал действительно серьезные вопросы, стоящие перед союзом.

Выступавшие представители московской делегации тт. В. Кириллов, В. Кин, Л. Шмидт информировали членов союза о работе, проделанной в Москве. Они говорили о настоятельной задаче перестройки союза на новых началах, о необходимости создания союза действительно **советских писателей** по своему миросозерцанию. Союз должен быть организацией писателей-строителей **новой социалистической культуры.** Писатель должен быть активным творцом в реконструктивный период нашего хозяйства. Не случайны выступления Пильняка и Замятина. Они, несомненно, имеют корни в настроениях членов союза.

Оппонентом выступил т. Полетика, оспаривавший положение о сочувствии Пильняку и Замятину в рядах членской массы. Антисоветский мракобесный характер носило выступление некоего А. Гизетти. Он говорил, что счастлив тем, что читал «замечательный» роман Замятина. Замятин правильно поступил, напечатав его за границей. В СССР цензура затыкает рот. Цензура посягает на священные права творца. Эти контрреволюционные вещания сопровождались, правда, жидкими аплодисментами. Гизетти, конечно, не мог указать, каким же «творцам» цензура затыкает рот, и не ему ли—участнику кронштадтского заговора? Гизетти осветил содержание романа обливно. Вот, что писал А. Воронский о романе «Мы»:

«Роман производит тяжелое и странное впечатление. Написать художественную пародию и изобразить коммунизм в виде какой-то сверхказармы под огромным стеклянным колпаком не ново: так издревле упражнялись противники социализма—путь торный и бесславный. А если прибавить сюда рассуждения о носах,—а это тоже есть,—которые должны быть у всех одинаковыми, то станет ясным характер и направление памфлета». (А. Воронский.—«На стыке», стр. 71).

Такова идеология Евгения Замятина и его союзников «Гизетти и К°.

КУЛЬТ-ПРОСВЕТ. УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕРЕХОДЯТ НА НЕПРЕРЫВНУЮ НЕДЕЛЮ

27 сентября в Наркомпросе состоялось расширенное заседание Главполитпросвета по вопросу о переходе на непрерывную неделю культурно-просветительных учреждений и организаций. В совещании приняли участие представители ВЦСПС, ЦК союзов и крупных предприятий.

Н. К. Крупская во вступительном слове осветила задачи и значение непрерывного культобслуживания предприятий, перешедших на непрерывку.

Решено немедленно перевести на непрерывную неделю и двусменную работу всю сеть культполитпросветучреждений и организаций, обслуживающих предприятия, уже перешедшие или переходящие на непрерывное производство.

При предприятиях будут организованы сменные цеховые культкомиссии и избраны сменные культуполномоченные. Намечено увеличить число культработников по обслуживанию клубов и уголков.

Во всех рабочих клубах, красных уголках, библиотеках и избах-читальнях должна быть **развернута широкая пропаганда постановления Совнаркома о непрерывном производстве.** Эта работа по популяризации непрерывки будет проводиться путем устройства специальных выставок в библиотеках, вечеров в клубах, организации кружков, экскурсий на фабрики и заводы, перешедшие на непрерывку и пр. Широко будет использована пропаганда непрерывного производства через радио.

Декрет Совнаркома о непрерывке должен быть вывешен в театрах, кино и во всех общественных местах.

В ближайшее время намечено издать серию популярных брошюр, специальные плакаты и диаграммы, а также короткометражную фильму, посвященные непрерывному производству.

ПОЛЬСКАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ТАШКЕНТЕ

ТАШКЕНТ, 28. — Приехала польская рабочее-крестьянская делегация.

В первый день делегация осмотрела гидростанцию, селекционную станцию, институт Туркшелка, художественный музей. Делегация участвовала в празднновании 10-летия партячейки трамвая.

Делегаты говорят, что они удивлены достижениями хозяйственного и культурного строительства Средней Азии.

В ЗАЩИТУ МИРУТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ РЕПРЕССИЙ В ИНДИИ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ МАКДОНАЛЬДА

ТАСС сообщают из Лондона: «29 сентября состоялась конференция лондонского района, созванная комитетом защиты мирутских заключенных (Индия). На конференции принято постановление об организации лондонского окружного комитета в защиту мирутских заключенных и об организации таких же комитетов в других районах. На конференции присутствовало 207 делегатов от 123 организаций, в том числе 9 делегатов от совета профсоюзов, 81 от трэд-юнионов, 5—от рабочей партии, 7—от кооперативного движения, 41—от независимой рабочей партии и 27—от коммунистической партии.

Присутствовавший на конференции в качестве делегата депутат парламента от рабочей партии Кинли внес резолюцию, протестующую против репрессий в Индии, поддерживаемых правительством Макдональда, и требующую прекращения мирутского процесса, отмены законов, направленных против рабочего класса, и освобождения политических заключенных. Обосновывая эту резолюцию, Кинли резко нападал на правительство Макдональда. За резолюцию высказался и коммунист Саклатвала (бывший депутат). Саклатвала, в частности, указал на предательскую роль секретаря федерации горнорабочих Артура Кука, который выступил на недавнем митинге рабочей партии с речью, настолько враждебной по отношению к мирутским заключенным, что она вызвала удивление даже в реформистских кругах. Кук, между прочим, заявил: «Я знаю этих людей лично. Они нарушили закон и сами это знают. Если я нарушаю закон, я должен считаться с последствиями этого».

Характерной чертой конференции были единодушные нападки на правительство Макдональда со стороны почти всех ораторов».

ГЕРМАНСКИЕ РАБОЧИЕ БОРЮТСЯ С ФАШИЗМОМ

ТАСС сообщают из Берлина: «Усилившаяся активность национал-социалистов (фашистов), которые ставят себе теперь целью «завоевать» берлинские рабочие кварталы, встречает резкий отпор со стороны рабочего класса. Фашистские демонстрации приводят к таким мощным контр-демонстрациям рабочих, что фашистам остается лишь прибегать к покровительству полиции. В ряде провинциальных округов наблюдается такая же картина.

28 сент. в Шарлотенбурге, мелкобуржуазном районе Берлина, где национал-социалисты действуют особенно энергично, происходила внутренняя демонстрация коммунистических рабочих. Бывший районный руководитель запрещенного союза красных фронтовиков Ендрецкий выступил с речью, в которой указывал на ежедневные нападения фашистов на рабочих, при чем отметил развитие фашистского движения в Австрии. Ендрецкий под шумные знаки одобрения присутствовавших закончил свою речь требованием отмены запрещения союза красных фронтовиков».

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

Нанкинский корреспондент «Токио Асахи» сообщает, что Хо Чен нанес поражение Чан Фа-гую. Далее в сообщении корреспондента говорится, что Ба Цзун-чи прибыл в Лючжоу. В распоряжении Бай Цзун-чи находится 6.000 солдат. Как полагают, Бай Цзун-чи возьмет на себя общее командование над силами, борющимися против Чан Кай-ши.

***

Китайские официальные источники сообщают, что в виду неожиданного разлива реки Фен в Хунаньской провинции, продвижение войск Чан Фа-гуя на юг задержалось. 24 сентября вблизи Делисень (Хунаньская провинция), на берегу реки Фен в течение всего дня продолжалось сражение хунаньских войск с Чан Фа-гуем. Войска Чан Фа-гуя отступили, при чем 3.000 его солдат перешли на сторону хунаньских войск.

Несмотря на эти сообщения, правительство предпринимает меры к обороне Гуандунской провинции, концентрирует войска в Цукоу (Цзянсу) и укрепляет гарнизоны на Лунхайской железной дороге.

ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРТИЯ — ЗА СЕМ ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

ТАСС сообщают из Берлина: «Коммунистическая фракция рейхстага выработала предложение по вопросу о рабочем времени. В целях борьбы с безработицей фракция предлагает установить максимальную продолжительность рабочего дня в 7 часов при 40-часовой рабочей неделе. В предприятиях, опасных для здоровья, а также для женщин и молодежи (до 18 лет), предлагается установить 6-часовой рабочий день и 30-часовую рабочую неделю. Фракция предлагает карать тюремным заключением всякое нарушение этих правил со стороны предпринимателей».

БОРЬБА БЕРЛИНСКИХ ТРУБОПРОКЛАДЧИКОВ

Из Берлина ТАСС сообщают: «28 сентября в Берлине состоялось собрание бастующих трубопрокладчиков, на котором присутствовало свыше 2½ тысяч человек. На собрании с докладом выступил лидер бастующих Нидеркирхнер, который указал, что единство среди предпринимателей все более и более расстраивается. С другой стороны, бастующие держатся всюду очень твердо. Попытки союза металлистов заменить бастующих штрейкбрехерами в большинстве случаев проваливаются. Нидеркирхнер подчеркивал, что борьба будет продолжаться до тех пор, пока последний предприниматель не примет условий бастующих.

ПЛОДЫ С „КРАСНОГО ДЕРЕВА"

ЭМИГРАНТСКАЯ И БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ ПО ПОВОДУ „КРАСНОГО ДЕРЕВА"

Запевалой в буржуазно-эмигрантском пропильняцком хоре явились, как известно, милюковские **«Последние Новости».** Это они писали о стиле «Красного дерева», как о стихотворении в прозе. Это милюковские молодцы торжествовали, что Пильняк обращен к прошлому, что реакционные тенденции повести ничего общего не имеют с «цементно-индустриально-электрификационным обликом эпохи строительства».

Б. Пильняк в своих об'яснениях, квалифицированных Федерацией Об'единений Советских Писателей, как неискренние и противоречивые, пытался свести поднятый «Литературной Газетой» величайшей важности вопрос об антисоветском творчестве писателя — гражданина Советского Союза к травле. «Литературная Газета» писала после этого, что «разоблачение поклепа на Советский Союз, на его строительство и на его борьбу, разоблачение переклички с белой эмиграцией **является не травлей,** а прямой обязанностью органа Федерации Об'единений Советских Писателей».

Но белой эмиграции крайне выгодно поддерживать версию Б. Пильняка о травле. Некий «Скептик» из гессенского **«Руля»,** подозрительно выгораживающий и всячески рекомендующий «Петрополис», рассказывает на страницах этого оголтелого монархического органа о том, как «поднялась в московской прессе, жесточайшая травля Пильняка» и, ставши в благородную позу адвоката автора «Красного дерева», апеллирует к эмигрантщине по поводу «новой травли», которая «гнусна и отвратительна». Этот самый «Скептик» крайне недоволен присоединением писателя К. Федина к резолюции - осуждению, принятой правлением Союза на коллективном прочтении «Красного дерева» и за его выступление на Исполбюро Федерации обзывает его доносителем. Уж до чего взял этого «Скептика» из «Руля» за сердце вывод Пильняка из Союза писателей!

Ответственный редактор **эсеровской «Воли России»** Марк Слоним через письма в редакции бело-эмигрантских газет из кожи лезет вон, чтобы встать на защиту Пильняка. Он уверяет, что повесть «Петрополис» помимо его (Пильняка) воли». Поддерживая все ту же пильняковскую версию «о травле», Марк Слоним утверждает, что «причины, руководившие теми, кто поднял сейчас травлю против Пильняка, не имеют к литературе никакого отношения», что, вообще за последнее время ведется «ожесточенная травля нескольких русских писателей».

Небезызвестный оголтелый враг Советского Союза, пролетарской революции и коммунизма **Михаил Осоргин** в «Последних Новостях» от 19 сентября весьма одобрительно отзывается о «Красном дереве», находит, что повесть эта написана под несомненным влиянием Лескова и Ремизова, что, вопреки утверждению Союза писателей о «Красном дереве», как о поклепе на Советский Союз, эта повесть — «смелое и яркое изображение советской жизни».

Мих. Осоргин охотно защищает «художественную правдивость и писательскую честность» Пильняка, творчество которого — «естественный противовес сусальным плакатам казенного и партийного творчества». Как видим, творчество Пильняка находит хвалителей и усердных потребителей среди контрреволюционной зарубежной эмиграции. Это должно заставить Пильняка и некоторых других писателей Советского Союза пересмотреть свои творческие позиции!

***

Консервативная **«Фоссише Цейтунг»,** близкая к Штреземану **«Кельнише Цейтунг»,** американский консервативный **«Нью-Йорк Таймс»** довольно дружно поддерживают хор голосов белоэмигрантской прессы.

Так, например, один из наиболее талантливых иностранных корреспондентов, находящихся в Москве, **Вальтер Дюранти** в своей телеграмме-статье в **«Нью-Йорк Таймс»** в весьма энергичных образных выражениях изображает «дело Пильняка». Уверяя своих читателей, что «Пильняк всячески старался приостановить выход в свет книги в Берлине, когда узнал, что его книга оказалась неприемлемой для Москвы», Дюранти с чисто американской полнокровностью живописует: «Волин вспорол брюхо Пильняку, и другие последовали его примеру. Громче всех кричал поэт Маяковский — большой быкообразный шумный гражданин, который повидимому считает, что он был бы лучшим председателем Общества писателей, чем Пильняк, поступок которого он называет изменой на фронте».

Во всей корреспонденции Дюранти сквозят симпатии его к «обижаемому» Пильняку и, хотя он считает всю эту историю «бурей в стакане воды», он все же думает, что она «симптоматична для ожесточенной классовой борьбы».

Эрвин Гониг, один из руководителей ульштейновского издательства, ближайший сотрудник **«Фоссише Цейтунг»** и переводчик некоторых наших попутчиков, позволяет себе в связи с пильняковской историей совершенно неприличную выходку против Советского Союза и его литературы. Статья Гонига в «Фоссише Цейтунг» от 22 сентября озаглавлена: «Доносительство в России — контрреволюция или конкуренция — зависть». Возмущение всей писательской общественности антисоветским творчеством и поступком Пильняка этот господин представляет в виде доносительства, результата зависти одних литераторов к другим. Этот буржуазный литератор, которому совсем недавно был оказан гостеприимный прием в Москве, позволяет себе квалифицировать выступления наших писательских организаций и отдельных писателей, как доносительскую клевету мстительных литераторов. Этим «доносителям», ослепленным чувством зависти и конкуренции, он якобы противопоставляет свободное творчество литераторов типа Пильняка.

Этого сорта мысли особенно заострены в статье московского корреспондента **«Кельнише Цейтунг».** Какое ему дело до того, что в хваленой демократии немецких капиталистов и социал-демократов производятся самые возмутительные насилия над революционными и пролетарскими писателями, которые, наподобие Иоганнеса Бехера, осмеливаются выступать со словом осуждения существующему режиму? Что ему в самом деле, что Иоганнеса Бехера сажают в тюрьму за это, а его произведения уничтожаются? Ведь затронуты интересы не пролетарского немецкого писателя Бехера, а русского Пильняка, чувства и настроения которого гораздо ближе представителю «Кельнише Цейтунг» в Москве. По словам этого корреспондента, наше общественное писательское мнение — не что иное, как грубое средство морального давления которое-де исключает всякую возможность радости творчества для даже признанного художника. Статья в защиту Пильняка полна самых грубых инсинуаций, безобразной лжи, недопустимых выпадов **против Советского Союза.** Корреспондент от чьего-то имени почти угрожает: «следует быть слепым, чтобы не заметить уже теперь ту реакцию, которая должна следовать за такой нетерпимостью». «Красное дерево» напало в лице корреспондента «Кельнише Цейтунг» достойного и соответствующего антисоветскому содержанию этого «стихотворения в прозе» адвоката.

***

«Красное дерево» явилось сигналом для новых выступлений белогвардейской прессы и для антисоветской кампании буржуазной печати.

В то же время «инцидент» с написанием и изданием этой повести послужил к тому, чтобы встряхнулась наша писательская общественность, чтобы она себе отдала отчет, что такие явления, говоря словами резолюции правления Всероссийского союза писателей, «общественно и литературно недопустимы» и должны «заставить все советское писательство, безотносительно к его течениям и группировкам, безоговорочно осудить это явление».

Злобный смешанный хор из голосов «Последних Новостей», «Руля», «Воли России», «Кельнише Цейтунг» и «Фоссише Цейтунг» только подтверждает, насколько правилен был голос предупреждения, поднятый «Литературной Газетой», и насколько необходим оказался голос всей нашей литературной общественности, решительно осудившей литературную перекличку с белоэмигрантщиной и призвавшей всех советских писателей на борьбу против буржуазных тенденций, против аполитичности и «внеклассовости» писателя Советского Союза.

Бор. Волин.

P. S. Б. Пильняк в своем письме в редакцию по поводу статьи в № 20 «Литературной Газеты» «Недопустимые явления» писал: «14 февраля я сел за роман (ныне заканчиваемый), в котором «Красное дерево» перерабатывается в главы». Эрвин Гониг в своей цитированной мною статье в «Фоссише Цейтунг» сообщает о новом романе Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», содержание которого, видимо, Э. Гонигу известно.

Не слишком ли рано, — до напечатания его в Советском Союзе, — роман этот оказался на руках у Э. Гонига, или его содержание стало известно этому клеветнику?!.

Б. В.

ПРОТИВ ПИЛЬНЯКОВЩИНЫ И ПРИМИРЕНЧЕСТВА С НЕЙ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК. Состоялось общее собрание ассоциации пролетарских писателей Иваново-Вознесенска по вопросу о выступлении Пильняка с повестью «Красное дерево» в белогвардейском издательстве. Собрание обсудило также статью Горького, написанную по тому же вопросу. Собрание единодушно осудило выступление Пильняка и вынесло такую резолюцию:

— Поведение Пильняка ни в коей мере не заслуживает оправдания со стороны кого бы то ни было. Статья Горького в защиту Пильняка в такой ответственный момент, когда угроза войны с Востока, раскрытие вредительства Судотреста и т. д. требуют от нас особой бдительности, в момент обострения жестокой классовой борьбы вообще, а следовательно, и в литературе, дает лишнее орудие в руки врагов пролетарского государства.

Волну общественного возмущения против Пильняка Горький отождествляет с торжеством обывательщины. **Видя в Пильняке только «человека» и не видя в нем классового врага, Горький, отметая от себя название примиренца, об'ективно становится им.**

Литературная общественность Иваново-Вознесенска протестует против всяких попыток смазать классовое пролетарское лицо советской литературы, от кого бы они не исходили, против всякого заступничества за Пильняка и ему подобных.

КОЛЛЕГИЯ НАРКОМПРОСА У ГОЗНАКОВЦЕВ

28 сентября коллегия Наркомпроса, во главе с наркомом т. **А. С. Бубновым,** выезжала в клуб им. Ильича, где провела собеседование с рабочими фабрики Гознак.

Эта фабрика является авангардной в отношении развертывания культурно-просветительной работы. Ею откомандировано в течение года 430 чел. в различные учебные заведения, 900 рабочих ведут работу во всякого рода кружках и курсах.

Нарком т. Бубнов, т.т. Крупская и Эпштейн в своих выступлениях заявили, что НКП недоволен своей прежней работой, потому что до сих пор он отставал от требований рабочего класса и задач социалистической реконструкции хозяйства. Введение НКПросом в свою практику выездов на предприятия поможет завязать непосредственную живую связь с рабочими массами и поставить всю работу на новые рельсы. В речах затронуты были вопросы учебы рабочих. Указывалось на необходимость создать такую общественную атмосферу на фабриках и заводах, благодаря которой рабочие, откомандированные на рабфаки, в вузы и техникумы, доводили бы там до конца свою учебу. Коллегия обратилась к рабочим с просьбой помочь Наркомпросу в орабочении его аппарата и проявить свою инициативу в деле массового образования, поставив его под свой непосредственный контроль. Тов Бубнов особо подчеркнул важность подведения под дело народного просвещения материально-технической базы, в чем на ряду с неустанными заботами партии, правительства и самого Наркомпроса деятельное участие должна принять и вся рабочая общественность.

Большую активность на этом собеседовании проявили рабочие фабрики «Гознак», касавшиеся ряда больных моментов в деле народного образования. Указывалось на недостаточную заботу о дет

ЗА ПОДЛИННЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЬСТВА

КРИТИКУЕМ РАБОТУ ФЕДЕРАЦИИ

Положение на литературном фронте заставляет пересмотреть работу всех писательских организаций и Федерации об'единений советских писателей в целом. Как перестроить работу ФОСП, чтобы она стала действительным литературно-общественным центром, чтобы она вела писательские массы по пути, по которому идет пролетариат и его партия? Чтобы разрешить этот важнейший вопрос, нужна открытая деловая критика Федерации и ее органов. Редакция „Литературной Газеты" открывает дискуссию статьями „Перевала" и „Кузницы".

Необходим перелом

События, имевшие место во Всероссийском Союзе Писателей, вызывают во всех литературных организациях, входящих в Федерацию, и в каждом литературном работнике-общественнике живое стремление активно участвовать в устранении болезненных явлений, этими событиями вскрытых.

Исходя из основного положения своей программы **о неразрывности художественного и общественного дела писателя,** Содружество Писателей Революции «Перевал» видит в этом участии свой непосредственный долг.

«Перевал» считает недопустимым положение, при котором писатель отстает от темпа и размаха великого переустройства страны, идущей под руководством партии рабочего класса к социализму.

Положение, создавшееся в Союзе Писателей, является по мнению «Перевала» одним из наиболее ярких доказательств, что между некоторыми звеньями советской литературы и общественной жизнью страны образовались «ножницы». Политическая беспринципность, утрата общественного чутья, стремление изолироваться от партийной и советской общественности и сохранить нейтралитет в напряженной классовой борьбе, подмена общественных интересов интересами групповыми и индивидуально-литераторскими—все это приводит иных писателей, вне зависимости от их квалификации и суб'ективных намерений, к поступкам явно антиобщественным, выгодным лишь классовому врагу. Те же причины превратили Всероссийский Союз Писателей в целом, несмотря на наличие в его среде здоровых кадров, в организацию фактически отходящую вправо, лишенную общественного творчества, занимающуюся мелким деляческим, бюрократической возней и двусмысленным политиканством, которые всегда были удобным прикрытием для классово-враждебных настроений и дел.

Эти классово-враждебные настроения и дела Всероссийского Союза Писателей в том его виде, какой эта организация имела до последнего времени, **неизменно встречали и продолжают встречать со стороны «Перевала» решительное осуждение.** «Перевал» приветствует реорганизацию Всероссийского Союза Писателей, проводимую как нельзя более своевременно, в момент обострения борьбы с реакционными силами во всех областях строительства в стране.

Присоединяясь к резкой оценке, данной прежнему положению в Союзе Писателей членом Совета «Перевала» тов. Д. А. Горбовым на перевыборном собрании Союза 21 сентября с. г., «Перевал» полагает, что из всего, что было до сих пор характерно для ВСП, необходимо сделать ряд выводов, касающихся организации всей нашей литературной жизни в целом.

«Перевал» отдает себе полный отчет в том, что общественный застой и рутина характерны не для одного Союза Писателей, но и для общего положения внутри всей Федерации Об'единений Советских Писателей.

Разве бюрократизация литературной жизни, увлечение хозяйственными и организационными мелочами, полная утрата общественной перспективы и удаление от серьезных творческих вопросов не имеют места в работе руководящих органов Федерации? Разве подмена интересов литературной общественности интересами литературно-групповыми не грозит вырождением самой идее Федерации, как живого органа писательской мысли? Разве утрата чувства коллективной ответственности перед революцией за создание предпосылок для подлинно советской, подлинно социалистической литературы, которая была бы достойна страны, строящей социализм, не говорит о ложности взятого Федерацией курса?

Бюрократизация федеративного руководства привела к тому, что ни один писатель, ни одна литературная организация не обращались в Федерацию со своими общественно-творческими запросами: никто не видел в ней подлинного общественного центра. В многочисленных федеративных органах почти не звучало слово о литературе и непосредственно связанных с нею творческих вопросах, не говоря уже о повседневной творческой работе, которая вовсе отсутствовала. Федерация не устроила ни одного литературного диспута или собеседования, где литературные организации могли бы выступить со своими утверждениями, обменяться творческим опытом, обсудить затруднения, которые они встречают в своей деятельности. Федерация ни разу не оказала какой либо материальной или организационной поддержки культурным начинаниям об'единяемых ею организаций. Вместо того, чтобы втягивать эти организации в общественную работу и выводить их из кружковой замкнутости на широкий простор социалистического строительства, Федерация на деле способствовала отрыву их от жизни страны, их замыканию в узкий круг мелких литературных интересов. Призванная воспитывать в писателях понимание всей ценности звания **советского писателя,** Федерация на деле, об'ективно, содействовала их отходу в индивидуалистическую богему.

На примере Союза Писателей мы смогли убедиться, как далеко заводит этот путь иных, наименее устойчивых литераторов.

В чем же причина того, что Федерация не разрешила стоящих перед ней задач?

Мы считаем, что все литературные организации, входящие в Федерацию, ответственны за ее положение. Но степень ответственности не может не быть различной. Ведь по самой конституции ФОСП представленные в ней организации не были равноправны. Три так называемые «организации-учредители» (РАПП, ВОКП, ВСП), пользуясь преимуществами устава, **заняли привиллегированнее положение во всех органах ФОСП.** В основном деловом аппарате ФОСП (секретариат) остальные организации не были даже представлены. В исполбюро и совете ФОСП представители «малых» организаций, этих своеобразных «литменьшинств» также были затеряны; к тому же исполбюро и совет существовали почти фиктивно, собираясь очень редко и проводя время в бесплодном словоговорении.

Эта «порочность», заложенная в самый фундамент ФОСП, усугублялась групповой политикой господствующих организаций и в особенности РАПП. Вместо того, чтобы использовать федеративные возможности, для выполнения обязательств, налагаемых ответственным знанием пролетарской организации, РАПП на деле пошел по противоположному пути. РАПП не только фактически отказался от осуществления пролетарского руководства Федерацией, но подменил его групповой политикой, потеряв общую перспективу строительства всей советской литературы. Внутренняя жизнь РАПП'а протекала в полной замкнутости и отчужденности от остальных течений советской литературы, вырываясь из этой отчужденности исключительно напостовскими критическими налетами и политикой беспринципных блоков.

Все эти болезненные явления внутри ФОСП не должны более иметь места. Нужно решительно перестроить как самые основы Федерации, так и формы и методы федеративной работы. Основываясь на высказанных выше утверждениях, «Перевал» считает целесообразным следующую линию работы Федерации:

1. Федерация должна поставить себе ближайшей задачей нахождение таких форм и методов работы, которые положат конец существующему разрыву между советской общественностью и писательской жизнью. Для этого Федерация в первую очередь должна перенести центр своего внимания с вопросов организационно-административных на широкое вовлечение писателей в актив культурной революции.

2. Федерация должна стать действительно **литературным центром,** положив начало широкому творческому общению писателей и литературных организаций между собой и разработке конкретных вопросов литературы, как искусства.

3. Федерация должна быть выразительницей подлинных творческих сил литературных организаций, входящих в ее состав, а не строиться по принципу формального представительства, по количественному признаку. Для этого необходимо пересмотреть устав Федерации в сторону расширения прав и возможностей тех литературных группировок, которые не делают ставку на численное преобладание, но являются действительной творческой силой.

4. В области повседневной федеративной работы по ее основным отраслям мы считаем необходимым следующее:

«Литературная Газета». Для всестороннего улучшения газеты нужно обновить редакционное руководство и упростить громоздкий редакционный аппарат, обеспечив в то же время полноту выражения всей творческой жизни Федерации и интересы об'единяемых ею литературных течений и не допуская захвата газеты ни одной из группировок.

Издательство «Федерация». Нужно создать общественно авторитетный и литературно-квалифицированный редакционный совет издательства, обусловив посылку в него литературными организациями действительно подготовленных для этой работы товарищей.

Клуб Федерации. Новое важнейшее звено в федеративной работе, клуб должен быть правильно использован для осуществления действительной повседневной связи писателей с рабочей и партийной общественностью, с советской интеллигенцией и работниками других отраслей искусства. Клуб должен стать сильным орудием в деле преодоления кружковой замкнутости и «литераторской» ограниченности.

«Перевал» призывает всю здоровую писательскую общественность, отбросив мелкие литературные счеты, принять активное участие в реконструкции нашей литературно-общественной жизни, помня, что в наше время ожесточенной классовой борьбы и великой творческой работы всякий художник, сознательно или бессознательно стоящий в стороне от этой борьбы и работы, в стороне от рабочего класса и его партии, становится врагом социалистического строительства и тем самым обрекает себя на творческую гибель.

СОВЕТ СОДРУЖЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ «ПЕРЕВАЛ»:
А. Лежнев, Ив. Катаев, Ник. Зарудин, П. Павленко, Б. Губер, Д. Горбов, П. Слетов.

Новый дом на старом болоте

(Об издательстве „Федерация")

Работа издательства «Федерация» неудовлетворительна.

Организованное, прежде всего, для того, чтобы содействовать развитию молодых дарований, чтобы выявить и под руководством зрелого писательского ядра воспитать новые кадры подлинно советской литературной смены, наконец, чтобы помочь этой смене в ее непосильной борьбе с издательским делячеством и бюрократизмом, издательство Федерации об'ед. советских писателей с первых же шагов своей деятельности занялось собирательством отбросов крупных советских редакций, культивируя бывших литераторов с их нудными воспоминаниями, подбирая по вкусу изголодавшихся литературных гурманов эстетскую ветошь, заменяя защиту неопытной, но даровитой молодежи от литературных бюрократов, защитой «обиженных» редакторами-марксистами перезрелых идеалистов, символистов и прочих дореволюционных остатков.

Во избежание излишнего многословия, оперируя исключительно фактами, расскажем, как это случилось. Издательство начало свою деятельность в 1928 году, в момент издательского благополучия: лучшие наши писатели были уже «распределены» между издательствами. Естественно, первые месяцы работы должны были решить: сумеет ли новое издательство найти основу своей работы в гуще молодой, растущей пролетарской и подлинно-попутнической литературы, или пойдет по линии наименьшего сопротивления — группирования вокруг себя всего непомещающегося в рамки среднего советского издательства. «Федерация» выбрала второй путь, чему способствовали следующие обстоятельства: во-первых, два из трех «учредителей», руководящих «Федерацией» — РАПП и ВОКП, — предоставили свободу действий третьему — Союзу писателей, в руках которого и оказалось фактически издательство; во-вторых ликвидированное весной 1928 года издательство «Круг» «влилось» в изд-во «Федерация» со всем своим портфелем и увеличило редсовет «Федерации» двумя голосами своих представителей, членов все того же правления Союза писателей. Заседания редакционного совета до последнего времени представляли любопытную картину федеративного сотрудничества: из 9—10 присутствующих с решающим голосом регулярно заседали 5—6 членов старого правления Союза писателей. Это не замедлило отразиться и на продукции издательства.

В первую же партию книг, выпущенных «Федерацией», попала целая серия из круговского портфеля, портфеля, в котором остался лишь второй сорт как с идеологической стороны, так и с художественной и даже с коммерческой,— умирающий «Круг» поспешил выбросить на рынок все наиболее ценное. Из книг, доставшихся «Федерации», достаточно указать хотя бы такой перл, как **«Джиаго» Лугина** — книгу, скомпрометировавшую издательство в первые же дни. Далее посыпались — «Защитный цвет» Э. Триоле, «Аничкина революция» Венкстерн, «Дни и ночи» Бройде. «Госпиталь» Жува, переиздание «Сентиментального путешествия» Б. Шкловского и т. д. Издательская машина заработала бесперебойно, но как?

Нужно было вести активную работу по привлечению свежего материала от существующих литературных группировок. Но громоздкое учреждение — редсовет занимался исключительно черновой работой — просмотром и оценкой рукописей. Активная деятельность естественно была в руках руководящего ядра. «Ядро», на-поводу у которого оказался редсовет, было далеко от елейного федеративного содружества и равенства. Представляемое деятелями вполне определенных группировок, оно незамедлило придать издательству не менее определенное лицо. «Активная» деятельность оказалась направленной лишь в одну сторону. В то время как пролетарским организациям была предоставлена возможность использования «нормальных» путей проникновения в издательство, официальные лица «Федерации» сумели завербовать своих литературных единомышленников и заинтересовать их в издательстве вполне конкретным участием. Представляемые редсовету на-ряду с механическим самотеком «предложения» все тех же бывших круговских клиентов затопили изд-во. Полные собрания сочинений Е. Замятина и Ив. Новикова были предложены в первую очередь. Густо пошли Сергеев-Ценский, Соколов-Микитов, Дорохов со своей «Земной радостью», бесконечные воспоминания Щепкиной-Куперник, Пяста, Гиляровского и пр. Намеченный широкий издательский план предложено было заполнить, с одной стороны, полным собранием сочинений Есенина, с другой — большой серией тех классиков, которые не нужны Госиздату, не нужны вообще никому — красивые имена Плутарха. Светония, Вазари замелькали в бесконечных прениях. Дальше начали выволакивать на свет литературные архивы: в честь Пушкина напечатали «Дневники» Вульфа, все ценное из которых давно известно публике хотя бы по «Пушкину в жизни» Вересаева, память Некрасова «почтили» неудачным и ненужным «Тонким человеком», выдрали у ГИЗ'а часть неизданных произведений Толстого.

Здесь необходимо немедленно оговориться — для большей ясности и во избежание обид и нареканий — перечисленные имена **современных** писателей сами по себе не являются с нашей точки зрения плохими, мы далеки от мысли кого-либо из них опорочить — дело лишь в определенном группировании. Мы подчеркиваем только односторонню направленность «актива» изд-ва. Ведь этими самыми «принципами федерирования» и жонглировали издательские воротилы, когда доказывали «американским наблюдателям» из пролетарских организаций необходимость печатания своих литературных товарищей: мы и ваших, мол, не откажемся печатать, когда они придут, но что-то вот не идут.

А «не шли» эти последние вот как. Предложение общества «Кузница» об издании большой серии книг с участием всех писателей, об'единяемых этой крупнейшей пролетписательской организацией, было отвергнуто, хотя условия, предложенные «Кузницей», были уже зафиксированы подписанным договором с другим издательством («Моск. Рабочий»), и речь шла лишь о передаче этого договора «Федерации». Об-во крестьянских писателей можно было привлечь целиком путем такого же взятия на себя договора другого изд-ва с этой группой. Сборники групп «Перевал», «Кузница», «Молодая гвардия», уже принятые редсоветом, «издаются» по 10—15 месяцев и с весны 1928 года не могут никак выйти. За время деятельности «Федерации» ряд пролетарских крупных писателей заключили или перезаключили договоры на собрания сочинений, но изд-во «Федерация» не сумело здесь оказаться активным и опередить своих конкурентов.

В то же время в проведении собственных предложений «актив» изд-ва был напорист и беззастенчив. Слабые протесты представителей «малых групп», так и оставшихся в роли «американских наблюдателей», натыкались на мощное большинство, умело мобилизуемое. Замечателен факт бесконечных пересмотров неугодных решений. Набранная еще «Кругом» никчемнейшая и бульварная книга воспоминаний Айседоры Дункан три раза была отклонена редсоветом, но набор ее оказался сохранен до лучших времен и через полгода утвержден редсоветом более удачного состава — «с из'ятием многочисленных порнографических мест и со спасительным предисловием». Тысячный аванс под написанную рукопись был четырежды отклонен с тем, чтобы в пятый раз, когда привели самого автора, дело прошло «большинством», которое было меньше вместе взятых «протестующих» и «воздержавшихся».

В работе редсовета с его столь часто прокламируемой «федеративной» терпимостью» царил возмутительный оппортунизм. Не было установлено никакого минимума идеологических требований, пред'являемых к рукописи. Здорово зато попадало молодежи, у которой иногда оказывался излишек «слишком сладкой» революционности. Такие проекты, как, например, предложение представителя «Кузницы», — взять за правило более внимательное и мягкое отношение к пролетарскому молодняку (при оценке его литературной зрелости), столь естественное для любого советского издательства, встречало в «Федерации» лишь насмешливое пожимание плеч.

Не следует, конечно, забывать и о достижениях изд-ва. Тщательный и сравнительно быстрый просмотр рукописей, редкое для наших издательств внимание к провинциальному самотеку,—все это сулит изд-ву хорошее будущее. Изд-ву уже удалось выявить не мало новых имен, которые все же пробиваются сквозь толщу круговского старья. Такие вещи, как «Мед и кровь» Н. Колоколова, «Сердце» Ив. Катаева, книги Еремеева, Москвина, Лапина, Баерского, Фраермана, Тачалова, Маркова и др.—явление несомненно положительное. Однако, наличие этих книг только лишний раз подтверждает правильность нашей отрицательной оценки основного курса издательства.

Необходимо слегка коснуться и хозяйственной работы издательства. «Федерация», в целом, вела свои дела весьма успешно. Торговый договор с Госиздатом — явление, несомненно, положительное. Внешнее оформление изданий, техническая обработка книги — удовлетворительны. В этом издательстве не было и помину о какой-нибудь материальной эксплоатации авторов, тех споров, которые так часто доходят до судебного разбирательства в других издательствах. Вместе с тем не надо забывать и ряда крупных недочетов. Гонорарная политика, например, была также односторонней. Должностные лица «Федерации», работая честно и добросовестно, по собственному разумению делили писателей на знаменитых и второстепенных, на тех, за которыми необходимо ухаживать, и тех, с которыми лучше было бы больше не встречаться. Рядом с обычными типовыми «25-процентными» договорами можно, например, указать конкретные случаи, когда **писателю выдавался гонорар за два издания целиком до представления рукописи.** При наличии бумажного кризиса и задержки ряда книг, выпустили никакого отношения к программе изд-ва не имеющий «Песенник» неизвестных составителей в количестве **150.000** экз. — бумаги этой хватило бы на полторы дюжины других книг, а между прочим и доходы бы с этих книг были больше чем от «Песенника», выпущенного исключительно из коммерческих соображений. А в то же время «нерентабельные» альманахи «Кузницы» и «Перевала» уступали дорогу рентабельному Замятину. «Вливание» достославного «Круга» с его ароматичной продукцией замечательно и хозяйственными результатами. Плачевный баланс «Круга» тяжелым бременем лег на молодые плечи «Федерации».

Однако достаточно. В конце — конкретные предложения. 1) **Редсовет надо реформировать:** довольно этого нелепого распределения голосов — каждая группа должна быть представлена — и только. А не то 3 представителя союза писателей и 2 представителя «Круга» при почти постоянном отсутствии 2-х «крестьян» и 2-х от РАПП — плохо сочетаются с одиночками от «Кузницы», «Рефа» и «Перевала». 2) **«Круг» необходимо действительно ликвидировать.** Кого он олицетворяет и почему составляющие его члены других организаций должны иметь особые голоса? «Круг»— не литературная организация. А если есть в «Федерации» какие-нибудь копейки, кроме нуля, принадлежащие «Кругу» — отдать их этой бывшей артели. 3) Издательству заняться своим делом **и закрыть дорогу мутному потоку «мемуаров».** Не только Айседора Дункан, но и наши доморощенные мертвоглазые старцы довоенного производства должны быть отметены. 4) **Покончить с «игрой в дураки»:** выработать крепкую идеологическую основу для своей работы, хорошенько разобравшись — с кем и как надо федерироваться.

Борис Леонтьев.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

МОДПИК

В план ближайших работ правления МОДПИК включена организация акционерного общества «Театр Автора».

◆ Новое положение о художественных советах театров не предусматривает вхождение в советы представителей авторских организаций. Производственное об'единение авторских организаций высказалось за введение в состав советов представителей авторских об'единений.

◆ Правлением МОДПИК поставлен вопрос о плановом регулировании взаимоотношений МОДПИК с заграницей. в части высылки пьес. Правление обратилось в Наркомторг с просьбой о созыве специального совещания с представителями МОДПИК.

РЕФ

В четверг, 3 октября, в большой аудитории Политехнического музея открывается РЕФ.

Выступят: Вл. Маяковский (председатель), Асеев, Брик, Жемчужный, Кассиль, Кирсанов, Ломов, Незнамов, Родченко и Степанова.

Темы: Что такое РЕФ? Что такое классик? Что такое поэт? Что такое газетчик? Что такое делается? Что такое факт? Что такое бизнес? Что такое суб'ективный об'ектив?

Декларации, лозунги, установки на 1930 год. Демонстрации словесные и диапозитивные. Разговор с аудиторией. Записки. Прения.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О ЗАЙЦЕ, ЗАЖИГАЮЩЕМ СПИЧКИ

Защищаться от нападений критики, для писателя занятие малопроизводительное, дело муторное, спорить же с ней, что препираться со сварливой тещей, ибо по мудрому изречению Пушкина критика современников — слепая и близорукая старуха.

У очень многих из нас пока что мало данных для утешительной, радостной мысли, что за столетие, отделяющее нас от Пушкина, у этой старушки глаза прочистились настолько, чтобы мы позабыли и не вспоминали больше его горького афоризма, рожденного, очевидно, в те нередкие минуты, когда и ему приходилось стоять перед тупым недомыслием и перед открытой, неприкрашенной ничем клеветой.

Из свидетельств друзей Пушкина мы знаем, с какой жадностью он следил за каждой строчкой о себе и нетрудно догадаться, что перед тем, как пустить золотую стрелку смертоносно отточенной эпиграммы, и Пушкин немало в иступленьи побегал по своей комнате.

Я умышленно привожу пример Пушкина с его афоризмом о критике вовсе не из желания вскочить в алфавит русского искусства; у меня только скромный расчет найти успокоительное оправдание тому мучительному чувству, с каким приходится нередко, вернее почти всегда, читать о себе критические заметки, в последнее время принявшие совершенно очевидный характер травли...

По меткому слову Фадеева, наша критика «кишит молодыми развязными людьми», составляющими при своей неисчислимости и безответственности немалое бедствие для молодой советской литературы, но пищущий эти строки, к тому же, не может похвастать удачей не только у этих молодцов, но, и у... академиков, и у столпов и корифеев современной критической мысли, в очень редких случаях изменяющих своему единодушию в политической оценке моего творчества своеобразной круговой поруке, которую я никак не могу отнести насчет общей прозорливости.

Будучи человеком терпеливым и выносливым, я до сей поры еще ни одним словом не заикнулся, что нехорошо приписывать мне стихи, которых я никогда не писал, выкладывая их на судейский стол нашей критики как «вещественное доказательство», что несовсем благовидно перевирать и переиначивать хотя бы незаметно, под маркой опечатки, цитаты для подтверждения навязчивой идеи о моем неприятии революции, что мало разумно любовную лирику расценивать на граммы политической символики, за немудреным плетнем неудавшейся домашности разыскивая злостного политического пессимиста, что нельзя, дико в одной и той же газете защищать от предвзятости критики автора, написавшего «на глаз читателя замечательный роман», а спустя время в той же газете за той же подписью обвинять автора того же романа в том, что он... шуан, притаившийся у сердца белые королевские лилии что... что... а впрочем, всего этого достаточно, чтобы пужи у телеги лопнули.

Искусство есть мера и вес, критика, когда она не игра в подкидных дурачков, то же искусство, нуждающееся как раз именно в мере и весе. Но вот, в последней статье обо мне в седьмом номере руководящего критического органа **«Печать и Революция»,** всякие меры, всякие весы отброшены, хотя сказано все с большим апломбом и весом.

Автор: Осип Бескин.

Заглавие статьи: Бард кулацкой деревни.

Критик, правда, достаточно молодой, так сказать, еще «начинающий», «подающий надежды» но я уже упоминал о единодушии в отношении меня очень значительной части критиков, и потому во мне сильна безотрадная уверенность, что Бескин не в одиночестве.

Тон этой статьи настолько далеко уходит за пределы литературного исследования, что она скорее похожа на «дело» о «темной личности», скрывающейся под выгодной маской писателя.

Спорить сколько-нибудь с Бескиным в литературной плоскости для меня положительно не представляется возможным, ибо и сам автор статьи был очевидно далеко от мысли хоть сколько-нибудь «по чести» разобраться в моем творчестве, ибо нельзя же отнести на счет серьезного исследования глубокомысленные рассуждения о том, сколько у Петра Еремеича было лошадей, строгие указания на то, что у Спиридона Емельяныча была, видите ли... мельница, хотя мельницу эту он по ходу романа сменял у барина на медведицу с медвежатами, случай близкий к тому, когда текстильщик в нашу пору выигрывает по займу счастливую «тыщу», увы, — это вне «доминанты творчества» автора, как и вне литературы.

Я обойду также грустным молчанием те места статьи где автор просто издевается над читателем, принимая его должно быть бог знает за какого, по просту говоря, дурака, уверяя, что черти «Чертухинского балакиря» не черти, а ... коммунисты (нехватало только стаж еще привести, чтобы окончательно сразить на месте!), что автор, де, прямо об этом не говорит только по своей природной кулацкой хитрости. Не буду смущать критика (трудно надеяться на смущение), достоверными доказательствами, что книг, перечисленных им, мной написанных, он как бы следовало не прочел, спутавши время их выхода в свет, действующих лиц переселяя из одного романа в другой, однако, не забывая все же указать на важность обстоятельства, что два года тому назад я бы так писать не посмел, хотя именно два последние года мною ничего нового как раз именно и не издавалось, — все это мимо, потому что обычно, но по двум наиболее криминальным пунктам мне необходимо сейчас вступиться.

1) пункт первый, суб'ективно-важный:

Бескин пишет:

«Отнюдь не может быть случайностью, что в своих четырех больших книгах прозы «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира», «Последний Лель» (Бескин, три только, посчитайте на пальцах—«Последний Лель часть «Сахарного немца») Клычков никак ни одним звуком не коснулся новой деревни. Ее нет совершенно в его творчестве. Только два об'яснения этого обстоятельства могут иметь место: или для работы на современном материале у Клычкова такие выводы, такие слова, что он не рискует их произносить в эпоху диктатуры пролетариата, или он, не желая пачкать себя прикосновением «к погани», предпочитает углубляться в «голубо-зеленые омуты». Таким омутом для него является «истинно русский», сказовый стиль».

Сильно сказано. Каждое слово — тавро, метка.

Критику Бескину хорошо известно третье и единственное об'яснение «этого обстоятельства»: в бытность Бескина заведующим лит-художественным отделом Гиза, когда Бескин еще не был критиком, наиболее инкриминируемая им книга «Чертухинский Балакирь» проходила через его руки и едва ли мимо него проскользнуло предисловие Лелевича, в котором при всей беспощадности к автору в первых же строках критик счел важным и нужным предупредить читателя со слов автора, что названная книга — не законченное, отдельное произведение, а стоит в ряду задуманных им романов, отображающих, суконно говоря, жизнь русской деревни, начиная с крепостного права и кончая последними годами революции включительно.

Последовавшая за «Чертухинским Балакирем» следующая часть первой трилогии — роман «Князь мира» был с таким же предварением напечатан в журнале «Молодая Гвардия».

Что касается до «Сахарного немца», находящегося в задуманном мною плане на шестом месте (трилогия трилогий — книга в девяти частях), то этот роман целиком посвящен деревне, близкой к той, с которой так торопит Бескин.

Здесь мне необходимо, чтобы раз навсегда покончить с такими придирками и неумными подвохами, маленькое отступление и сказать о своих писательских предположениях, планах, более подробно, хотя нет ничего мучительнее размазывать о том, что еще не сделано, а только настойчиво грезится. Да простят мне вынужденную нескромность закидистых слоев о корабле, который стоит еще с непокрытыми ребрами в верфи,

На долю современного писателя, а я твердо себя к ним причисляю, выпала столь же прекрасная, сколь и тяжкая участь. Мы живем в сказочно-богатое время, открывающее перед писателем огромное многообразие человеческой души и жизни и тем не менее еще очень большой вопрос, даст ли наше большое время большого писателя. Даст ли большого писателя, — именно в силу того, что грандиозна, неисчерпаема эпоха, на отображение которой, вернее говоря, на преображение в образах искусства которой, может одной человеческой жизни даже недостаточно...

Именно в силу того, что даже и очень большой талант, даже и очень яркое дарование, что называется, ступушется на фоне потрясающих событий последнего пятнадцатилетия.

Легко ли не испепелиться в огне противоречий и сомнений, от которых ни одна эпоха не бывает свободна, а тем более наша, поставившая перед собой цели коренного перерождения человеческого общества.

Когда в человеческую душу небывалым грузом свалилась целая лавина событий, не знающих в истории мира примера, когда до-исходной пробил ее поток чувств и переживаний, окрашенных в живой цвет человеческой крови, — и очень сильная, и очень зрячая творческая воля легко и не раз дрогнет и не устоит на ногах в извечной жажде художника найти синтез и завершение этому чудовищному многообразию действительно «быстротекущей» жизни.

... И, как же не соблазниться при этом порытьтся мыслью, всезрячей и сокровенной памятью крови своей и рожденья поблуждать в прошлом, отыскивая и угадывая в нем исходы и истоки буйно бушующей у тебя под ногами реки.

Нет: «отобразить» современность, — это не в гости сходить и едва ли можно оправдать суетливую притязательную торопливость, с которой очень многие наши критики хватают современного писателя за руказа; как «зазывалы» из одежного ряда бывшей Сухаревки.

Говоря все это, страстно ждешь, чтобы поверили раз навсегда, воистину братски поверили, что в таком положении человека в котором все его существо за эти великие годы перегрялось и сдвинулось с места, находишься и ты, а поверивши освободили от оскорбительного подозрения, что ты... средневековый чурбан, через который совсем неощутимо для него перекатилось громоздкое колесо истории.

Должен со всей искренностью и прямотой заявить, что, несмотря на свою глубокую диверсию в прошлое, право на которую буду отстаивать до последнего издыхания, я, как писатель, целиком обязан всем революции, перекроившей тихого лирика в романиста с планами, еще раз повторяю, может, увы, неосуществимыми, осуществленными пока-что наполовину а за такое рождение даже и неудачный художник редко когда не любит своей матери, даже и в тех случаях, когда она становится для него мачехой.

Если бы критик Бескин да и очень многие вместе с ним дали себе более сложный, более внимательный труд без штампованного предубеждения прочитать мои книги, учитывая особенности их чисто стилистических задач, которые вовсе не так просты, как это кажется хулителям «истинно русской» сказовости, то и без авторских деклараций, очень надоедливых, очень ненужных в наше время, они легко смогли бы разглядеть, без подзорной трубы, смею думать, теперь уже обозначившуюся линию моей книги, книги «Живота и Смерти», в особенности после романа «Князь мира», о котором ни одного путного слова никто не сказал, если не считать в общем правильной «обмолвки на ходу» Луначарского, вскользь только угадавшего задачи автора в словах о смежности классовых процессов в прошлом нашей страны.

Я спрашиваю сейчас прокуроров, зычно обвиняющих меня в проповеди кулачества, спрашиваю: кто **так** писал о крепостном праве, можно ли, честно ли образ жирно-брюхого чудища сопрячь с образом села Скудилища, центрального образа книги, неужели корни революции всего-навсего начинаются с забастовок пятого года (печка наших беллетристических танцоров!), о бездарных журнальчиков шебуевского толка?.. Почему критик Бескин, раскатывая по страницам своей статьи кулацкого идеолога на лихой тройке «триединой формулы», лихо пролетел мимо рысачихиных мужичков, мимо картин крепостничества, данных, еще раз повторяю, вовсе не в плане простого бытописания, а как раз именно, если честно разобраться, в плане социально-философском общего авторского замысла; куда он спрятал от читателя «мокрые окопы» «Сахарного немца», смертный перевоз Двины, едва ли могущие послужить для упрочения «триединой формулы» (неважная сбруйка для вороных коней); зачем, в каких расчетах прикрыл ладошкой многочисленные страницы, где автор совершенно явно восстает против угнетения и рабства, против бессмысленного уничтожения тысяч и тысяч человеческих жизней, даже тенденциозно, с точки зрения его стиля, его изобразительных приемов, вскрывая ту трещину, которая начинается у самых ног Ильи-пророка, на чей праздник мужики в четырнадцатом году собирались на позицию, трещину того старого быта, в пристрастии к которому, в пропаганде которого автор единогласно обвинен, ту страшную трещину, из которой и выхлынул огонь народного возмущения!

Все это прошло мимо «критического ока» много Бескиных, а где, как не на этих страницах, искать нитей истинного, совершенно правильно, пока-что неполно выраженного отношения автора к современности и ее задачам, но... не торопите, дайте спапашиться с силами, которых очень много надо, если не ставить перед собой задачей простое описательство, если не сводить искусство литературы к голому очеркизму, к безотрадной регистратуре фактов и фактиков величайшего катаклизма страны с величайшей историей и культурой!.. если из «очередных вопросов» и «актуальных тем» не делать давки у писательской чернильницы!.. не толкайте в спину, литература — не хлебная очередь, а тем более не делайте из писателя прежде времени «литературного смертника», на которых у нас в последнее время создается что-то в роде нездоровой моды, целой системы в критике, бог весть откуда на двенадцатый год революции обревшей склонность не к строительству в литературе, а к дикой в ее области антропофагии.

2) Пункт второй, об'ективно-важный:

Бескин пишет:

«Ведь не надо забывать того, что наше послеоктябрьское сегодня утвердилось не на голой земле (именно, именно! **С. К.**), что «русский стиль», «богатырский эпос», «чарующая и увлекательная фантастика», «богатства народной поэзии» это не просто «сокровищница» народного духа, что к нам они просочились через российское самодержавие, что они были в свое время, так сказать, канонизированы а предмет поддержания триединой формулы — самодержавие, православие, народность! Одними разговорами о мастерстве здесь отделываться нельзя, как бы оно значительно не было. Русский стиль в своем стопроцентном применении не только прием, но и лозунг».

Какой ужас, чтобы не сказать больше!

Как может критик-марксист, поучающий еще других критиков-марксистов марксизму, не указывая точно материала, который он имеет в виду в определении понятия русского стиля, со всем не являющегося приемом, а прежде всего, перво-наперво огромной культурой огромной страны, как может столь размашисто, так таровато скидывать эту культуру с приходного листа революции?!

Даже не для специалиста ясно, что тот цикл явлений, которые Бескин сваливает в одну кучу-малу на макушке с роскошной лилией триединой формулы, на самом деле распадается на этапы и периоды, из которых только последний, а именно стиль Александра III, действительно послужил позолоченной подпоркой подтянувшего трона российского самодержавия.

Если бы в своем ожесточении против русского стиля Бескин имел в виду явления порядка ропетовской, петушковой архитектуры или построек академика Парланда, с его храмом, выгроханным по сну самодержца, и т. п., то его ожесточение было бы вполне законно, но ведь из существа всей его статьи (прочтите еще раз выдержки) этого не видно, для него не существует никаких разграничений в этом вопросе, на стенах, слава богу, навсегда отмеченного самодержавия он развешивает рязанские полотенца, свод его убирает архангельской костью!

А село Палех, Бескин, неужели вы вычеркнули с советской территории?

Зря! Удивительные кудесники из этого селишка с кисточками в руках из самых тонких волосков беличьего хвостика, утончившие и изузорившие свой глаз за многие столетия иконописного ремесла, пользуются всяческой поддержкой нашего правительства. Как это вы терпите, хотя бы в другой области, чем литература, наличие столь увлекательной чарующей фантастики»?.

Шибко, видно, саданул в голову молодого, «подающего надежды», критика не столь злой, сколь неумный квас издешки «Злых заметок»!

Советской критике раз навсегда необходимо установить точные разграничения в этом вопросе, в противном случае русская революция с легкой руки Бескиных останется... без русского искусства.

В заключение мне хочется указать на трогательное единодушие в оценке моего творчества критика-марксиста Бескина и, увы, очень многих с ним— с зарубежным, белогвардейским злопыхателем Ходасевичем, у которого обвинения идут еще дальше, еще толще, тот уж прямо указывает перстом, что если бы я не появился в свое время в литературе, то уж непременно бы выскочил в... охранке!

Читатель, я думаю, не примет за позу, за простую фразу, что пишущему эти строки к нему становится от всего этого муторно, что он в праве не спешить с кораблем, стоящим в верфи, которому, помимо строителя, нужен еще и благодетельный ветер, попутный ветер человеческого внимания и доверия, часто и нежданно, делающий с человеческой душой чудеса.

Читатель, надеюсь, поверит, что... страшно...

Мне все же хочется кончить, тем не менее, шуткой: известно, что, если зайца долго бить по ушам, то его можно выучить зажигать спички. Охотникам до такой дрессировки я мог бы посоветовать во время прохождения зайцем трудной науки, не бить по ушам этого зверя поленом, вненарок попадешь ему в темя, и заяц, вместо того, чтобы зажигать бурачок, то ли просто вытянет ноги, то ли совсем уж, как в сказке, возьмет да и обернется в птицу-кукушку!

А это известная птица.

Ее никто не перекукует!

Сергей Клычков.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ С. КЛЫЧКОВА

В седьмой книге журнала «Печать и революция» была напечатана статья О. Бескина «Бард кулацкой деревни», посвященная социальному анализу творчества Сергея Клычкова. Откровенно реакционная для нашего времени сущность произведений С. Клычкова неоднократно констатировалась марксистской критикой. Плюсом же этой статьи являлся довольно подробный синтетический анализ всех прозаических произведений С. Клычкова, из которого автор сделал определенный, ничем не вуалированный вывод о стопроцентной кулацкой сущности критикуемого автора.

Документируя ссылками на все прозаические произведения С. Клычкова, т. Бескин устанавливает следующий спецификум его классового лица: 1) всепроникающая дуалистическая философия с утверждением от бога положенных общественных порядков на земле; 2) темная ненависть к науке, угрожающей подорвать основу кулацкого строительства; 3) столь же звериная ненависть к городу, как к врагу деревни (понимай, конечно, старой деревни); 4) обожествление девственной природы, как единственной мудрости, гарантирующей сохранение «извечного» социального порядка; 5) уверенность в том, что никакие силы в мире не в состоянии переделать мужика. Кроме того, в статье

ПОХВАЛА ТРАДИЦИИ

ПАМФЛЕТ

Общество Хранения Литературной Традиции (ОХЛИТ) переживало большую катавасию. Часть членов ОХЛИТа требовала, чтобы Традицию, по крайней мере, раз в год выносили на двор проветривать.

— Даже запах, знаете ли, издавать стала,—жаловались эти члены.—Не то нафталином, не то гуталином, не то бриолином,—но так и несет.

За такие слова их числили в протестанском вероисповедании и старались не пить с ними водку. Но протестанты не унывали, а всячески поспевали добиться своего.

Другие ж члены,—а их было большинство,—требовали оставления Традиции в покое:

— Ведь, сказано:—«Хранения»! Значит, и надо хранить, а не трепать. Если бы задача была—трепать, тогда и было бы—«Общество Трепания»...

Мы с Бирюлькиным тоже были членами ОХЛИТ'а. Но, тогда, как Бирюлькин был горячий сторонник проветривания, я присоединялся к большинству. И, дабы уменьшить бирюлькинский пыл, говаривал ему:

— Не торопись, ты, по крайней мере!.. Не забегай вперед!.. Темп, возьми поменее! Помни старую пословицу: «Не спеши в Лепеши, в Сандырье ночуешь».

Бирюлькин, не желая разрушать хороших товарищеских отношений, соглашался со мной, и начинал поспешать несколько медленней.

Так, в общем довольно благополучно, прошло одно десятилетие и потекло другое. Во всех направлениях строились какие-то громадные здания, росли фабричные трубы, страна до неузнаваемости меняла свой облик, а Традиция все прела, кисла и, в конце-концов, стала бродить.

— Самогон из нее хороший потекет,—сказал как-то, понюхав, спец по этому делу, Бирюлькин.

— А все отчего?!—спросил я, раздражаясь.—Оттого, что хранить не умеют! Разве так хранят? Это даже в гигиене сказано, чтобы время от времени пересыпать аттической солью и форточки отворять хоть раз в год. Нет, нужно купить под универмагом «Подарок молодым хозяйкам» и нашим старцам подчести...

— Как же!—язвил Бирюлькин.— Комогут тут форточки и аттическая соль! Держи карман шире! Ее бы в кастальском источнике с зеленым мылом выстирать, да на солнышке проветрить... это, пожалуй, и помогло бы..

— Ты того не учитываешь, Бирюлькин,—с жаром возражал я.—Конечно, вынести можно, да как такую ценную вещь на двор выносить? Ведь, двор-то прямо на бульвар выходит, прохожие увидят, вбегут и отнимут... И тогда — прощай, Традиция! А что ж мы без Традиции будем делать? Одни слезы нам останутся...

— Это-то так,—уныло соглашался Бирюлькин.—Поэтому-то я так медленно и поспешаю... А то бы—давно бы..

Скандал начался с того, что мы забыли о соседях. Соседи во двор стали заходить и принюхиваться.

— Чорт вас знает, чем у вас тут пахнет!..—говорили они, подозрительно заглядывая в окна.—Не то вы тут кожи дубите без ведома фининспектора, не то портянок лет десять не меняли... Кстати: санитарный надзор у вас давно был??

После таких разговоров я сильно обеспокоился, тем более, что Бирюлькин злорадно подкашливал и обнаруживал стремление усилить поспешательный темп.

— Слушай, вредный ты человек,—сказал я ему, наконец.—Не думай, что ты меня своим кашлем смутишь и перетянешь в свою веру. Но, в виду того, что соседи стали ходить во двор целыми толпами, я предлагаю принять радикальные меры.

— Интересно знать, какие же это радикальные меры ты предложишь,—проворчал в ответ Бирюлькин.

— Во-первых, очень полезно просифонить воздух лесной водой. Она, знаешь, дает такой смолистый запах.

—Так-с,—сухо сказал Бирюлькин.—А дальше?

— А потом, я думаю обратиться к нашим выборным с воззванием. Если и ты примешь участие в составлении такого воззвания,—это будет, так сказать, глас народа...

— Не подействует на наших сикофантов, твое воззвание... Только и добьешься, что они водку пить с тобой перестанут, как со мной уже перестали.

— Экий, ты, ей-богу, Бирюлькин, пессимист, какой!.. Ну, перестанут, ну, выпьем и без них... да, в конце-концов, анти-алкогольная неделя об'явлена, можно и совсем воздержаться... Главное-то мы сделаем, толчок дадим, а там уж пойдет само собой... Ведь, нам что важно, чтобы соседи беспокоиться перестали, и насчет санитарного надзора чтобы не намекивали.

— Ну, ладно, чорт с тобой, давай составлять. Только в каком стиле?

— Я думаю, воззвание нужно написать в стиле рококо,—с жаром, впрочем, несколько искусственным, предложил я.—Он, знаешь, с завитушками, а сикофанты завитушки любят...

— Рококо не годится,—входя во вкус, возразил Бирюлькин. — Давай лучше барокко, он попригляднее.

— Ампир всего лучше подошел бы,—мечтательно сказал я. — Да нельзя, никак нельзя... У нас — республика, и вдруг — ампир... Неудобно.

— В испанском бы хорошо,—задумчиво перебирал Бирюлькин — Тут и Севилью, и Гренаду можно бы упомянуть, и звон гитары за стеной...

— Ну, гитара-то не при чем... Да и все эти Севильи — по-боку! В России живем все-таки...

— Верно, в России! Значит, и стиль нужно — рюсс!..—воскликнул Бирюлькин.

— То-есть это как: рюсс?—насторожился я. — Значит: «Ах, вы, гой еси, добры молодцы...». Так, что ли?

— А хотя бы так. Крепко получится: «Ах вы, волчья сыть, травяные мешки...». Да и традиционно.

— Традиция-то эта—ложно-классическая. Не годится! Если уж по традиции, так нужно в самый верх генеалогии, в самый так сказать забирать исток.

— Куда же это — в самый исток?

— В церковно-славянский стиль, вот куда! Оно и к случаю больше всего подходит. Пишем о Традиции — и стиль употребляем самый что ни на есть исходно-традиционный.

— Ну, уж это, брат, такая архаика, что и не знаю...—возразил Бирюлькин.— Тогда уж лучше прямо византийским стилем ахнуть. Но и он в своей сути ложно-классичен.

Дискуссия о стиле продолжалась четыре месяца. К середине пятого месяца мы настолько продвинулись вперед, что остановились на церковно-славянском стиле. Правда, было много всяких «но»; однако, все конкурирующие стили решительно отпали. В начале шестого месяца мы надеялись сесть за работу по составлению воззвания с таким расчетом, чтобы к концу девятого месяца оно было готово; исходили мы из того положения, что всякому ребенку потребно вынашиваться девять месяцев; преждевременные же роды, отзываются, прежде всего, на ребенке.

— Начнем, Бирюлькин?—спрашивал я каждое утро, сладко потягиваясь.

— Начнем, пожалуй!—пел он в ответ фальшивым, но приятным баритоном. И мы садились — пить чай с сахаром, которого у нас было запасено предостаточно. Так, день за днем, проскочил и шестой месяц. К началу седьмого месяца встал вопрос о заглавном обращении.

«Граждане»—отпадало, так как не ко всем же гражданам мы обращались, а только к избранным. «Милостивые государи»—звучало как-то сухо, да к тому же против такого заголовка говорили разные привходящие соображения.

— Курицыны дети,—предложил Бирюлькин, мрачно глядя в землю.

— Ну, уж это ты, брат...—возмутился я. — Они все-таки нами же избранные Хранители... а ты их прямо, с первого же абцуга...

— Да, а чего они Традицию не проветривают, — проворчал Бирюлькин.—Ну, ладно. Не хочешь — не надо. Тогда — так: «Охлитовцы».

— Это бы ничего...—ответил я. — Да, слово-то газетное... Не любят они газетных-то слов... И не в стиле оно.

— Так тебе надо в стиле? Тогда валяй прямо: «Братие»!

Хотели уж было остановиться на «Братие», но в это время явился дворник

— Протекла,—сообщил он мрачно.

— Как так протекла? Кто протек?—обеспокоились мы.

—Ваша штука протекла, которая пахнет. Я давеча утром вышел с метлой двор подметать,—глядь — водичка бежит. Я в небо поглядел — дождя, кажись, не было... Тогда я догадался, что от вашей это штуки.

— Да подтер ли ты, по крайней мере? — в ужасе спросил я.

— Знамо, подтер... А только шут ее знает: а вдруг она завтра прямо на улицу вытекет!..

Дворник ушел. Мы с Бирюлькиным смотрели друг на друга, вылупив глаза.

— Спешить надо, Бирюлькин, а не поспешать!..—выдавил я, наконец, из себя.

— А что я говорил?—шопотом ответил бледный Бирюлькин.—Я проговаривать ветрил... Тьфу ты пропасть, язык заплетается!.. Я проветривать говорил...

— Ну, сейчас нечего считаться... Давай скорей воззвание писать!

Приступ написали быстро:

«Братие!

К вам слово мое, к вам, на искусе находящимся, искус прошедшим, и под искусом в стихах и прозе вертящимся».

— Почему это—«слово мое»—начал по обыкновению, бузить Бирюлькин. — Нас— двое, значит, нужно «слово наше».

— Ах, чудак какой! Стиль требует, стиль! Это как бы некий пустынник пишет к монастырским отрокам... Понял?

— Ну, понял. Валяй дальше!

— Дальше я предлагаю так:

«Негоже мне, старому грешнику, пред вами непотребными словесы распалятися, а зело довлеет сие, ибо не токмо словесы, а многие батоги словые и оспопы дубовые окрест вас гуляют и по спинам вашим скорбью скорбят. Ибо забыли вы Слово древеславянское, и с трудом велим дойдут до мало-драных ушей ваших сия словеса мои.

Братие! Любите Человека!

Не сия ли сладостная плащаница, литературной Традицией именуемая, вам предложена сысть для священного умиления и для благопотребного подражания, а паче всего — для сохранения и священных над ней песнопений...»

— Елею много,—проворчал Бирюлькин.

— А как же без елею? Без елею нельзя! Во-первых,—стиль, а во-вторых, старцы елей обожают. Едем дальше.

«А плащаницу сию вы засунули в место мрачное и скорбное, в место плача и юдоли и смрада, а от сего портится плащаница драгоценная, и мраком она поедена, и молью она потрачена, а по последним данным — дает течь, аки некий корабль».

— Это ничего, только вот «последние данные» мне не нравятся,—милостиво критиканул Бирюлькин.—Совершенно не вяжется со стилем.

— Ну, уж это, брат, живок в сторону современности. Нельзя же отгораживаться от современности, знаешь сам... Теперь — поворот; в стиле Феофана Прокоповича:

«Но не чудесо ли мы зрим?!. Умилитесь и взыграйте духом, ибо, хотя вы овцы заблудшие — и на вас такожде почиет благодать Слова... о Полку Игореве. Умилитесь и возрадуйтесь, братие, ибо сияет плащаница неземным сиянием и паче прежнего горят на ней священные словеса:

Любите Человека!

А значит сие, что всех слабых, отверженных, урезанных, угнетенных, обиженных и оскорбленных любить паче души своей надлежит. Кто же сии слабые? Кто сии урезанные? Кто оскорбленные?

Первые из них и несчастнейшие, коих буржуями и нэпманами прозывают, у коих даже голоса отобраны, кои ныне заборных книжек лишены. Братие! Куда они денутся! Аки листочки осенние, гонимые ветром по дорогам, мятутся они за профсоюзной книжицей, сей печатью антихристовой, а обретя ее, прячут за пазуху и не кажут никому, и хоронятся, аки проказой одержимые, от всех людей, а пуще всего —от демонов и велиалов, фининспекторами именуемых, а имя сие есть проклято от базара до базара и от палатки до палатки. Сих ли буржуев не любить, им ли не сострадать, их ли слезы не утирать, за ними ли горшочки не выносить, ибо сии буржуи суть люди, и со слезною любовью сии люди на вас взирают,—на вас, хранителей и оберегателей плащаницы, а рекомая плащаница — одна им осталась заступница, ибо на данном отрезке времени божия матерь отступилась от них...».

— Ну, как хочешь, а «данный отрезок времени» мне не нравится,—заметил Бирюлькин. — Это уж такая газета, что...

— Здесь иначе не скажешь,—привел я резон. — Замени, если хочешь. Подумай.

Бирюлькин подумал — и ничего не придумал. Я стал творить дальше:

«А еще любите, братие, мелких продавцов дефицитных товаров, ибо зело обижена и сия отрасль рода человеческого. Оле им, сим продавцам, ибо налоги на них несоразмерны их достоянию, а продавцы сии вельми любят вас, грешных...».

— Нет, погоди,—перебил Бирюлькин. С этим я уж никак не согласен. На-днях я у такого торговца купил двести грамм колбасы, принес домой, а колбаса тухлая. Что ж, ты мне и тухлую колбасу прикажешь любить?

— Бирюлькин, да ведь это оговорить можно. Слушай:

«А если продавцы сии колбасу гнилую вам суют — не ропщите, а играйте духом, ибо угнетены и обижены они, ближние ваши, и слезми плачут и любят вас, аки братьев и от вас, хранителей плащаницы, того же ждут и на то уповают. А ежели они цену берут и последние с вас москвошвейные ультики сымают за сию колбасу — такожде не ропщите, ибо Адам, праотец наш, в раю и совсем голым при даме гулял и свою срамоту лопухом прикрывать не тщился».

— Адама-то напрасно — ввернул Бирюлькин. — Если нужно насчет прародителей, то лучше обезьяну упомянуть, все-таки ближе к науке...

— Без Адама нельзя,—решительно возразил я. — Обезьяну! От обезьяны-то и пошло поругание Традиции. Не будь Дарвина, не было бы и материализма, а не было бы материализма...

— Ладно, валяй дальше!..—быстро сказал Бирюлькин. Я продолжал:

«А паче всего любите, братие, мужичка. Но не на всякого мужичка изливайте любовь вашу, братие, ибо есть мужичок и мужичок. Ибо, мужичок, именуемый хозяйственный, и есть опора ваша, и подстава, и защита, и спасение. В годы хладные и гладные—не он ли спас, вас, братие, от смерти лютой и беспокаянной? Не вы ли к нему на крышах сидили и под ватонами; не вы ли к нему возили барахлишко последнее, и юбки от женок ни отнимали, дабы ему отдать, и рабочий струмент, и конфетины, и соль, и самих себя — за хлеб не отдавали ли?

И чем ему теперь за сие платят, братие? Власть его кулаком именует, и налоги налагает, и он, несчастный, хлеб в землю зарывает, и плачет над хлебушком, вторую тысячу пудов зарывши, и одежды на себе рвет, и власы, и вельми он горюет, братие, от беспредельных обид претерпевый. Но он на плащаницу, вами хранимую, уповает, и он к вам зеницы полные слезму подъемлет, и он к вам взывает о любви и сочувствии...».

На этом месте я был прерван. В комнату вбежал дворник и крикнул:

— Беда, братцы!.. Штуку-то вашу вытащили!..

Мы с Бирюлькиным переглянулись и, не помня себя, ринулись к ОХЛИТ'у. Страшную картину мы увидели в охлитовском дворе.

Какие-то люди, в которых я не замедлил признать охлитовских протестантов, вытащили Традицию во двор и изо всей силы трясли ее. Даже Бирюлькин, и тот поежился.

— Не так усильственно, братцы, не так усильственно,—шептал он сквозь слезы. Я же быстро соображал:

«— В конце концов, и не так плохо, что это случилось. Главное: была бы цела Традиция...».

Но наши испытания не кончились. В этот момент Традицию тряхнули боком, и ужаснейшая картина представилась нашим глазам: некоторые буквы не то истлели, не то были попорчены молью, и на Традиции осталось только:

— Любите... век...

— Что это значит?! — грозно вскричал я.—Немедленно восстановить! Починить! Добавить!!!

И я схватил за шиворот одного из протестантов.

— А мы думаем так и оставить,—возразил он спокойно. — Пусть так и будет: любите век! Век, в который человечество в действительности, а не в утопии, двинулось к социализму... Век, которому суждено разрешить все проклятые вопросы, мешавшие людям жить... Век, в который погибнет основное зло истории: собственник-индивидуалист...

Он говорил еще что-то, но мы с Бирюлькиным замахали руками и заплакали в три ручья, по полтора ручья на брата.

Антоний Грач.

НА II ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

Заключительное слово тов. Л. Авербаха

По докладам т.т. Авербаха и Ставского в прениях высказались следующие товарищи: Панов, Золотов, Брик, Либединский, Фадеев, Бенда, Гроссман-Рощин, Агапов, Мацковский, Волин, Попов, Муратов, Тоом, Подобедов, Беспалов, Файвилович, Бусыгин, Залесский, Клипиницер, Шабанов, Грязнов, Исбах, Акимов, Зайцев, Караваева, Панкрушин, Добин, Макаров, Ольховский, Кирпон, Плотицын, Тюлюкин, Горбачев, Сутырин, Кикодзе, Ярцев, Ермилов, Бек.

***

— Высокий уровень дискуссии, — говорит в заключительном слове тов. **Авербах,** — говорит о значительном росте нашей организации. Но еще быстрее повышается рост требований к нашей организации.

Основной лозунг, который мы хотим реализировать на этом пленуме, это — собирание сил. И чрезвычайно важный политический акт — выступление Тоом и др., по-большевистски признавших свои ошибки. Об этом сплочении сил говорит и возвращение в РАПП Артема Веселого и заявление ряда пролетарских писателей, что они хотят с нами работать. Мы должны собирать наши силы на основе большевизации пролетарской литературы, делая ударение на проблеме рабочего ядра.

Касаясь выступлений сибиряков по делу Пильняка и Замятина, тов. Авербах отмечает, что здесь «тон взят выше», чем это следовало. Нам не надо было прибегать в этом деле к административным мерам потому, что при помощи Федерации писателей была проведена большая общественная работа с писателями, большая кампания против Пильняка и Замятина.

То, что мы проводим верную линию, подтвердили выступления тт. Леонова, Агапова, Брика и Маяковского. Некоторые товарищи поняли мой доклад таким образом, что будто бы каждой организации я предлагал срабатываться. Так поняли те товарищи, которые не обратили должного внимания на те условия, которые я ставил (а это должно играть наибольшее значение!). Мы находимся в таком положении, когда должны вырабатывать лозунги и линию не только для нас, а для массового попутничества и для всей Федерации советских писателей.

Далее тов. Авербах останавливается на критике, положение с которой, по его мнению, довольно тяжелое. Приводя ряд примеров невыдержанности, «комчванства», «левых загибов» и просто грубой безграмотности в нашей критике, тов. Авербах об'ясняет причины того, что в его докладе большое место занял вопрос об ошибках переверзевской школы: для того, чтобы об'единяться, необходимо как следует размежеваться, а с тт. переверзевцами мы хотим работать вместе и вместе бороться с полуидеалистическими, эклектическими и т. п. концепциями, прикрывающимися «марксистской» фразой.

Творческие пути пролетарской литературы

На стыке

Доклад тов. **Селивановского** был посвящен произведениям «Лапти» Замойского, «Девки» Кочина и «Тихий Дон» Шолохова. Считая свой доклад «попыткой поставить проблему литературы пролетарской и крестьянской», тов. Селивановский останавливается на определении терминов «крестьянская литература» и «крестьянский писатель».

Основной вывод, который делает тов. Селивановский, после подробного разбора произведений Замойского, Кочина и Шолохова, заключается в том, что перед крестьянской литературой сегодняшнего дня стоит ряд опасностей. Первая, это—изображение петушков и есенинских голубятен, линия смыкания крестьянской литературы с литературой кулацкой.

Вторая опасность — восприятие фальшивого стиля народничества. Это тоже не наша линия. Третья опасность — некритическое усвоение линии пролетарской литературы, как, напр., это сделал Замойский в «Лаптях». Это — опасная линия.

И, наконец, имеется возможность совместной работы крестьянской литературы с литературой пролетарской, с упором на невиданные историей и никем не освещенные огромнейшие социальные сдвиги, которые происходят в крестьянской среде. И именно по этой линии наиболее возможен наиболее легкий перевод крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии.

Об очерке

С докладом об очерковой литературе выступил тов. **Лузгин.** Он говорит, что часто очерком считают жанр, из которого, как от корня дерева, вырастает повесть или роман. Это неверно. Очерк, это — совершенно своеобразный и самостоятельный жанр. Анализируя очерковую литературу, мы должны исходить из конкретного анализа положения данного класса.

Имеется стремление рассматривать очерковую литературу, как литературу факта, в противопоставление литературе романов и повестей, как литературе вымысла. Это также неверная точка зрения.

У нас нет ни малейших оснований считать, что специфика очерка может чем-нибудь отличаться от специфики искусства вообще. А в основе всякого искусства лежит художественный образ, как отражение действительности. Точно так же дело обстоит и в отношении очерка.

Обширную часть своего доклада тов. Лузгин посвящает анализу очерковой литературы.

Комсомольская литература

Доклад о комсомольской литературе сделала тов. **Трощенко.** Она указала, что вся литература молодежи идет под знаком комсомола.

Тов. Трощенко дала характеристики творчества ряда комсомольских писателей: Колосова, Шубина, Богданова и др. Она останавливалась и на мещанских влияниях в комсомольской литературе.

Поэзия пролетариата

В докладе о поэзии тов. **Горбачев** отмечает, что в пролетарской литературе проза гораздо сильнее поэзии. И если прозаическая литература значительно отстала от политической мысли рабочего класса, от нашего общественного движения, то с поэзией в этом отношении обстоит еще хуже. Конечно, вполне законно ожидание, что в связи с развитием общей активности и особыми запросами эпохи, пролетарская поэзия разовьется. Но на конкретном материале показать будущее оживление пока трудно.

Тов. Горбачев делит современную пролетарскую поэзию на 2 линии: публицистическую («гражданская») и так наз. «интимная» лирика. Указывая на опасности мещанских настроений во второй линии, тов. Горбачев доказывает необходимость роста и развития первой, указывая первостепенное значение роста рабочего ядра в нашей поэзии.

Основные темы пролетарской литературы

Тов. **Либединский** касается методов подхода к новым творческим задачам пролетарской литературы в реконструктивный период.

— Многих товарищей, — отмечает тов. Либединский, — подчас весьма болезненно волнуют вопросы новаторства в пролетарской литературе. Многие болезненно реагируют на то, что мы чрезвычайно консервативны в вопросах формы, в то время как непролетарская литература постоянно дает образцы новаторства (ЛЕФ, конструктивисты). Но, чтобы построить действительно новую стилистическую форму, чтобы построить пролетарскую литературу как законченную цельную школу, для этого необходимо отправляться от вопросов содержания. Только разработав вопросы содержания, можно подойти к вопросам формы. Задача пролетарской литературы — найти новые точки зрения и суметь их включить в искусство. Именно таким новаторством утвердим мы себя, как школу пролетарской литературы.

Говоря о трудностях отображения рабочего в литературе, тов. Либединский указал, что эти трудности особенно остро стоят в работе начинающих писателей.

Далее тов. Либединский осуждает цеховые взгляды на пролетарскую литературу и переходит к разбору творчества начинающих писателей.

Актив ЛАПП констатировал, что рабочие с производства пишут вообще мало. По наблюдениям же в Ленинграде и Москве, даже в пролетарских кружках преобладает крестьянская тематика. О деревне пишут не так, как следовало бы писать представителям класса, ведущего крестьянство. Одни дают лирические изображения, пейзажи, — все то, что связано с отпускными настроениями. Получается часто идиллическое отображение деревни. В произведениях других заметно давление антипролетарских, крестьянских, подчас кулацких настроений. Чувствуются часто и упадочные настроения сегодняшнего рабочего, — вчерашнего крестьянина. Есть среди начинающих рабочих писателей и группа, охваченная мещанскими настроениями. Отдельные слои мещанства все время вливаются в рабочий класс и влияют на него. В недрах АПП некоторые товарищи растут в сторону, противоположную той, куда идет АПП.

Часто в пролетарских кружках работа идет в таком направлении, что социальный смысл произведения заглушается формалистскими изысками. Заимствуют ото всех форм до декаденства включительно. Но то, что у Пастернака—шаг вперед, то для пролетарского писателя — отступление. Далее, тов. Либединский переходит к подробному разбору целого ряда произведений начинающих рабочих писателей.—В этих произведениях, — приходит к выводам тов. Либединский, — нет большой классовой идеи. Рабочий актив пишет еще плохо. И не только потому, что недостаточно грамотен, но еще и потому, что не понимает диалектики человеческого характера,—того, что создает в одном и том же человеке противоречивые настроения и мысли. Основная причина такого непонимания — недостаточная органичность диалектико - материалистического мировоззрения, недостаточно диалектический охват явлений.

Далее тов. Либединский устанавливает, что предметом изображения пролетарской литературы является раскрытие того, какие, по существу, интересы, силы и тенденции старого общества проявляются в классовой борьбе. Первый основной элемент будущего, стиля пролетарской литературы, это — такое построение художественного произведения, которое показывает характеры людей под углом зрения отбора их для большого дела классовой борьбы. Генеральная тема пролетарской литературы — изображение завода, показ рабочего класса, как производственного коллектива живых людей, показ происходящего в них перелома, показ преодоления всего отсталого, элементы будущего окончательного преобладания над природой. Такова задача пролетарской литературы,—наша пятилетка, вокруг которой мы должны сплотить все, что есть передового среди пролетарских писателей и попутчиков.

***

В своем докладе тов. **Караваева** подвергла подробному разбору произведения сибирских пролетарских писателей: Панкрушина, Чертова, Павлова, Кудрявцева, Обатко, Анова.

О Березовском, Никифорове и Гладкове

Тов. **Корабельников** остановился на творчестве Березовского, Никифорова и Гладкова. Своей задачей тов. Корабельников поставил анализ в творчестве, этих разных по своему облику писателей, тех моментов и явлений, которые являются характерными для всей пролетарской литературы.

Роман Березовского «Бабьи тропы» докладчик считает не художественным, а описательно - публицистическим произведением. На первом этапе пролетарской литературы такая описательная публицистика была не вредна. На данном же этапе это — явление низкого художественного вкуса.

Писателя Никифорова докладчик считает наиболее близким к современности по его тематике. Разбирая произведения «Воробей» и «Ложь», докладчик подчеркивает, что Никифоров не об'яснил художественно, какие собственно произошли изменения в нашей общественной жизни, не показал разрыва между прошлым и настоящим.

Разбирая произведения Гладкова «Головоногий человек», «Непорочный чорт» и «В тот вечер», докладчик утверждает, что Гладков целиком остается в пределах лишь житейских представлений своего класса.

Прения по творческим докладам начались выступлением тов. **Полевого,** дополнившего доклад тов. Либединского местным материалом.

В текстильных районах среди рабочих наблюдается большая тяга к писательству. Рабкора уже не удовлетворяет обычная газетная заметка. Он старается перейти к очерку, фельетону, к стихам. В тех местах, где есть литкружки и организации, там есть и здоровая тематика. Там же, где нет влияния АПП, там литературный рост молодняка нездоров (аполитичность, есенинское упадочничество, иногда и контрреволюционные нотки). Молодежь пишет и о гражданской войне, которую знает только по литературе и кино. А о соцсоревновании еще не пишет никто.

***

По докладам о творчестве высказались т. т. Полевой, Бусыгин, Дубинская, Сурков, Уткин, Дементьев, Маяковский, Сельвинский, Перцов, Асеев, Купер, Кирьянов, Сейдаметов, Исбах, Кикодзе, Майзель, Бек, Тарасов-Родионов, Ставский, Друзин, Калнин, Фадеев, Афиногенов, Горбачев, Шемшелевич, Шестериков, Залесский, Ярцев, Когин, Стальский, Попов, Макарьев, Безыменский, Македонов, Чичеров, Семенцов, Ситов. Заключительное слово по творческим вопросам имели тт. Либединский и Горбачев.

Книгу детям пролетарской страны

Открытое письмо ВОАПП и всей пролетарской писательской общественности

Дорогие товарищи!

Последние годы общественно-культурной жизни Советского Союза ознаменовались укреплением организаций пролетарских писателей, усилением их влияния на все отрасли искусства и литературы. Совершенно очевидны успехи пролетарских писателей в области художественной литературы, театра, кино и т. д.

Но из поля зрения пролетарской литературной общественности выпал один из важнейших участков идеологического фронта.

Я говорю о детской литературе.

Художественная литература для детей является одним из сильнейших орудий воспитания подрастающего поколения, создающего из него новых людей, вооруженных коммунистическим, материалистическим мироощущением; людей чуждых предрассудков и суеверий прошлого; людей умеющих жить и работать коллективом; людей высокой организованности и дисциплинированности; бодрых творцов, радостно строящих социалистическое общество.

Пронизанная острым, социальным мироощущением, вооруженная лучшими педагогическими принципами марксистской педагогики, смелая и революционная в области форм, сгруппировавшая вокруг себя талантливые кадры художников и писателей — детская литература СССР представляет невиданное в мире по размаху и содержанию политическое и культурное явление.

Вот почему сюда должны быть обращены внимание и сочувствие всей писательской общественности.

В детской литературе происходит ожесточенная классовая борьба. Это борьба нового со старым, это, с одной стороны, сопротивление старых, идеалистических, идущих от капиталистического строя методов воспитания и художественного мышления; это, с другой стороны, наступление новых, наших, материалистических методов, способствующих воспитанию дополнённых строителей социалистического общества.

Частный издатель, почти вытесненный из литературы для взрослых, все свои силы бросил на детскую литературу. Пренебрегая педагогическими методами, работающий на потребу мещанина, протаскивающий под прикрытием политичности вреднейшие идейки и псевдо-художественные приемы прошлого (натуралистическая иллюстрация, халтурный текст и т. д.), частник развратил часть детских писателей, воспитал у некоторых из них взгляд на детскую литературу как на источник «легкого хлеба»; оторвал их от достижений советской педагогики. Частник испортил вкусы, притупил социальное и художественное чутье и у многих педагогов, работников с детской книгой, родителей и т. д.

Даже в той литературе, которую издаем мы сами, незаметно для нас, скрыто и тайно протаскиваются иногда некоторыми писателями вредные и чуждые нам идейки и приемы.

Госиздат РСФСР вел и ведет упорную борьбу с частником и его методами. Вытесняемый все больше и больше качественно, частник уступает и количественно. Сейчас перед нами встает вопрос о том, чтобы добить частника, выкорчевать из детской литературы оставшиеся печальным наследством приемы частника, воспитать у родителей, библиотекарей и т. д. правильное понимание наших методов.

Надо прямо сказать, что в борьбе за детскую литературу, за нашего ребенка, в создании новых принципов детской литературы, организации пролетарских писателей стоят в стороне. Вопросы детской литературы не были в поле зрения организаций ВОАПП. Только в одном Ленинграде есть небольшая детская секция ЛАПП.

Настоящим письмом мы хотим обратить внимание пролетарской литературной общественности на идеологический участок огромной важности — на детскую литературу.

Перед советской детской литературой встают большие задачи:

1. Показать в ярких, художественных и доступных детям образах развертывающееся в нашей стране социалистическое строительство, участниками и продолжателями которого они будут. Показать пятилетку, индустриализацию страны, коллективизацию сел. хозяйства, культурное переустройство быта.

2. Показать советскую детвору, пионеров, советскую школу и борьбу в ней, фабзавуч, детдом и т. д.

3. Показать капиталистический мир, колонии, борьбу коммунистических партий, пионерское движение за рубежом и т. д. Показать все это в формах и масштабах, доступных детям.

4. Создать произведения, борющиеся силой художественного слова с пережитками старого: национальной рознью, религиозным дурманом, алкоголем и т. д.

5. Создать новые произведения для самых маленьких детей, показывающие им окружающий их мир, создающие в ребенке радостное, творческое и свободное от суеверий и страхов восприятие жизни, развивающие их речь и художественные эмоции.

Мы призываем пролетарских писателей помочь детской литературе выполнить эти задачи.

Как меры для этого, мы предлагаем следующее:

1. Поставить перед всей пролетарской литературной общественностью вопрос о значении и задачах детской литературы.

2. В МАПП и ряде других крупных организаций пролетарских писателей создать секции детской литературы. Эти секции должны выявить товарищей, всерьез интересующихся творчеством для детей.

3. РАПП укрепить связь с детским отделом Госиздата, выделив туда своих работников.

Ко всем же пролетарским писателям Госиздат РСФСР обращается с призывом направить свое художественное слово и на создание литературы для детей,—литературы, способствующей воспитанию крепкой и надежной смены.

Заведующий Госиздатом РСФСР

Арт. Халатов.

ПО ШАХТАМ И РУДНИКАМ

Очерк*)

Под'емная клеть выбрасывала шахтеров на поверхность земли. Мы увидели их прокопченными угольной пылью, суровыми и сонными от усталости.

Они качали свои лампочки, и огоньки, растворяющиеся в белизне утра, сразу же тухли.

В «нарядной» шахтеры узнали, что скоро будет собрание и нехотя стали усаживаться на полу и по скамейкам.

— Что о технике безопасности доклад-то будет?

— Норму нам повышать хотите? — раздавались вопрошающие голоса. Тогда предшахткома, с какой-то, особенно, таинственной интонацией в голосе, сообщил: «Первым вопросом будут поэты со стихами, а потом текущие дела».

Шахтеры с недоумением оглядывали нас — чего собственно говоря «поэты» хотят от них?

Когда кончился вступительный доклад о современной литературе, стояла полная и грузная тишина. Ни одного вопроса. Шахтеры переглядывались между собой и с таким же упорством, с каким они привыкли копаться в земле, молчали.

Мы что-то говорили, пожалуй горячились, в патетических местах ударяли кулаком по столу и... и вот — молчание, безразличное и тягучее. Чувствовалась какая-то огромная пустота между нами и слушателями. Мы не были связаны теми необходимыми нитями, по которым течет ток взаимного понимания и общей заинтересованности. Наши заготовленные заранее слова оказались пустыми, как... гнилые орехи.

После того, как усердный секретарь, не знавший как вести протокол такого необычайного собрания, вывел у себя на листе: «выступление поэтов и доклад принять к сведению», мы разошлись в разные стороны.

Шахтеры, снимая свою брезентовую спецодежду, как-то с недоверием оглядывали нас... Мы же удалились в «Дом для приезжих» с чувством, как-будто мы только что, в чем-то таком, неуловимом, досадно провинились.

Здесь, среди бараков, одиноких вышек и протяжных гудков мы ощущали себя только... «приезжими».

***

Весь рабочий поселок был увешан плакатами, сообщавшими о том, что «сегодня будут выступать молодые красные писатели со стихами, рассказами и докладами».

Целый день председатель правления клуба и библиотекарь суетились, водили нас по всем уголкам, где были работа и люди.

Еще до выступления мы знали наших будущих слушателей. Мы выслушали их рассказы и об'яснения у вагонеток и забоев под землей.

К нам сносили с осторожностью и с легкой краской смущения люди свои рукописи. Они относились к ним, как бы снисходительно — «так, все это пустячки, между делом ведь». Но было видно, что эти «пустячки» чрезвычайно дороги тем, кто «между делом», может-быть и ночами, заполняли эти щедро исписанные тетради.

В клуб мы пришли, окруженные говорливой кучкой.

Вопросы начались до начала доклада. Да и доклад часто превращался в ответы на записки, кидаемые с мест.

Молодых поэтов неохотно отпускали с импровизированной трибуны. Спрашивали о том: имеются ли у них книги и с большим сожалением выслушивали, что «молодые, да красные» поэты не имеют еще полных и неполных собраний сочинений.

К концу вечера подошли строительные рабочие-сезонники. Они пришли как раз тогда, когда говорили о современных частушках.

— Ну, что там частушки — срамота одна, — заметил один, повидимому, очень серьезный парень.

После того как докладчик со всем пылом начал защищать частушки, в президиум поступило предложение закончить наш вечер частушками и гармошкой. Быстро образовался круг. Захлопали ладони.

Через несколько минут не было ни одного вальчака, который бы не пропел вихрастого четверостишия, а еще через несколько минут один из «московских писателей» пустился вплясь, отбивая под общее одобрение настоящую чечетку.

Этот номер был вне «литературной программы».

Утомленные, но переполненные радостным ощущением того, что за наше недлительное общение с этими людьми мы внесли какое-то разнообразие в их жизнь, мы уходили с этого вечера. Только поздно ночью гудок, разорвавший тишину, прервал затянувшуюся беседу, так как нашим особенно горячим собеседникам было пора спускаться в шахту на ночную смену.

***

Эти два выступления группы писателей, командированной ЦК союза горнорабочих, внутренне противоречивы. Но они в каком-то смысле и показательны, несмотря на то, что между ними не было большого временного промежутка.

Когда мы выступали в первый раз, то говорили в неизвестное. Мы привезли с собой заранее выработанную программу, продуманную и согласованную, но она лопнула, как мыльный пузырь, при первой попытке осуществления. Совершая путешествие из одной комнаты в другую по длинным коридорам Дворца Труда, мы не имели ясного представления о тех, к кому едем. Чем дальше и больше отступали мы от выработанного плана, от заранее, быть может, приготовленных слов, тем больше достигали успеха в работе. Мы приготовились говорить только о литературе, о современных группировках и направлениях. Оказалось, что нам пришлось отвечать и раз'яснять подчас вопросы тарифной сетки, расценок, землеустройства и коллективизации.

Разговорами об имажинизме и футуризме мы не могли исчерпать интересов наших слушателей. Да и, пожалуй, все эти «измы» были на шахтах и рудниках самыми неинтересными вещами.

В нас видели вообще «культурных людей», и сама масса расширяла необ'ятно границы нашего задания.

О литературе нам пришлось говорить другим языком, другими образами и сравнениями.

Бывали случаи, когда на вопрос, кто из присутствующих знает имена Пушкина, Гоголя, подымались только одинокие руки. Приходилось выступать и говорить о литературе перед теми людьми, которые не прочитали в жизни ни одной строчки художественной литературы.

Неведомый для них мир искусства становился заманчивым, когда они узнавали, как и какими нитями этот мир связан с их же жизнью, когда в их памяти запечатлевались рассказы о жизни и пути писателей, о классовой борьбе в литературе.

***

На несколько десятков километров раскинулась огромная пустыня под Москвой. Две-три шахты среди степей, деревянный барак и уз

ТЕАТР

В борьбе за пятилетку

На открытии Театра им. Мейерхольда

— Московский сезон, оказывается, уже начался... А, между тем, ни один из московских театров, открывших сезон, не поставил вопроса о том, каким должен быть театр в эпоху великого социалистического строительства страны...

Так начал свою речь к зрителям **Вс. Мейерхольд** — на открытии зимнего сезона в театре его имени.

С подмостков театра, который всегда был застрельщиком революционных боев на театральном фронте, эти слова прозвучали не только упреком по отношению ко всем другим московским театрам, но и прямым вызовом:

— Включить свою работу в программу пятилетки!..

Такова задача, стоящая перед советским театром.

И вот, чтобы осуществить ее достаточно успешно, Вс. Мейерхольд в текущем сезоне делает ставку на актера и драматурга. Актер — на первом месте. Он главный проводник эмоциональной — боевой и бодрой — зарядки зрителя. Актер в союзе с драматургом—основная сила на театре, которая не может не создать спектакль, отвечающий социально-бытовой обстановке наших дней.

Воля актера и драматурга должна быть направлена к тому, чтобы зарядить зрителя на активное участие в социалистическом строительстве.

Но для того, чтобы эта зарядка была действенной, необходимо поднять формальное качество драматургии.

Примитивная форма агитки не только отжила свой век, но в настоящее время вредна. Существует мнение (Пикель и др.), что советская драматургия овладела техникой драматургического мастерства. Это далеко не так. Наши драматурги в гораздо большей степени овладели богатейшей тематикой советской действительности и... беспомощны в области формы.

Бегло останавливаясь на характеристике современных драматургов, В. Мейерхольд делит их на три группы. Он говорит о беллетристах, пришедших в театр, считая, что эту группу писателей, в смысле огромных обещаний уже реализованных на сцене, возглавляет Юрий Олеша. Далее—огромные надежды возлагает мастер сцены на поэтов-драматургов Маяковского, Сельвинского, Николая Эрдмана, А. Безыменского. Театр им. Мейерхольда верит в своих драматургов, ждет от них весьма многого. Наконец — группа профессиональных драматургов: Ан. Глебов, В. Биль-Белоцерковский, В. Киршон и др. Мейерхольд считает необходимым предостеречь их: если они не перейдут на серьезную и углубленную учебу, если не овладеют секретом, как строить пьесу, произведения их могут оказаться ниже требований «эпохи великих работ»

Вне каких бы то ни было групп идут —«драматурги-пошляки», приспособленические и эклектические творения которых, при расстановке основных сил на театре, попросту должны быть изгнаны со сцены.

Какова же роль режиссера? Поскольку актер и драматург являются основными силами в театре, от режиссуры всецело зависит, куда будут направлены эти силы. Устремления режиссуры отнюдь не определяются драматургами, наоборот — последние всегда искренне хотят, чтобы театр помогал их большому делу. Высоко-квалифицированные режиссеры, таким образом, должен быть внимательными сотрудниками и помощниками драматурга, педагогами и в области драматургии. Режиссеры, в то же время, должны четко выявить свое общественно-политическое лицо.

В соответствии с грандиозными масштабами нашей пятилетки, театр должен проделать упорную, огромную работу. И те театры займут настоящее место в процессе социалистического строительства, которые станут лабораториями этой работы, перейдут на большой и ответственный эксперимент.

Сценическая площадка в эпоху реконструкции должна быть «образцом чудес» в области зарождения нового человека. Сцена должна стать своеобразной «сценой-моделью». Крепко слаженные конструкции на ней, подвижные площадки, машины и вся сложная сценическая техника должны говорить зрителю о пафосе индустриализации и рационализации нашей жизни и труда. А на сцене, как на своеобразном сценическом пьедестале, должен действовать, в условиях особого тренажа, актер, являя собой образец психо-физического поведения нового человека.

Вс. Мейерхольд бросает от имени своего театра вызов всему советскому актерству на социалистическое соревнование по борьбе с «богемщиной» в среде работников театра.

— За обновленный целостный театральный организм, который, должен включить себя в план пятилетки в качестве наиболее мощной и победоносной силы на фронте культурной революции.

Л. КО.

„Командарм 2"

О пьесе

В связи с состоявшимся вчера общественным просмотром в Театре им. Мейерхольда трагедии И. Сельвинского «Командарм 2», редакция обратилась к автору пьесы с просьбой высказать свою точку зрения на это его произведение.

— Всякое серьезное художественное произведение, — ответил И. Сельвинский, — построено многоэтажно: в нем и классовый фундамент, и философские башни, и жилые утепленные этажи. Прямой вопрос о том, какую именно мысль хотел выразить в произведении автор — подобен вопросу, какой именно этаж хотел выстроить архитектор, построивший небоскреб.

Поэтому совершенно понятно раздражение Гете, когда он говорил: «Ко мне часто приходят спрашивать, какую идею я хотел выразить в «Фаусте», точно я сам знаю это и могу выразить».

Действительно, если бы можно было всю сложность и взаимную обусловленность событий, идей и характеров художественного произведения со всей его специфической атмосферой выразить одной какой-нибудь сентенцией, то незачем было бы писать романы и трагедии.

В частности, в моей пьесе можно найти проблему вождя и массы, проблему идейного самозванства, проблему технологии и поэтизма; столкновение мещанской революционности с революционностью пролетарской; противопоставление заблуждающейся гениальности—посредственности знающей свое дело; перерастание социализма в революционный практицизм и мн. др.

Однако, все эти проблемы настолько переплетены между собой, возникновение их настолько естественно и неизбежно в данной ситуации, что анализ отдельного вопроса, вырванного из общей ткани трагедии, мгновенно искажает ее тембр. Но если искать общий облик трагедии, философскую ее архитектуру, то я бы сказал, что она в диалектике.

Тезис ее воплощен в Чубе, линия которого ощущается, как несоответствующая здоровому стремлению масс к победе. Антитезис представлен в Оконном, который, отрицая линию Чуба и соглашая в этом с желанием красноармейцев, — разлагает стихийное напряжение масс и ведет их в наступление. Наконец, синтез сводится к выяснению истинных намерений Чуба, который вследствие этого приобретает иное, новое значение, отталкиваясь от революционной жестикуляции Оконного и перекликаясь, путем отдачи завоеванного Оконным города, с прежней своей линией, обогащенной для зрителя плановостью и учетом перспективы.

В связи с этим, у меня был расчет на вариации ощущений читателя или зрителя — от симпатий к Оконному и антипатий к Чубу — до полного доверия к Чубу и разочарования в Оконном.

К сожалению, эта диалектическая геометрия поэмы не получила реализации в театре и была переведена режиссурой в план агитационного примитива.

И. Сельвинский.

Несколько слов о постановке

Трагедия Сельвинского «Командарм 2» очень трудна для постановки. Она потребовала и от режиссера, и от актеров большого творческого напряжения. Для того, чтобы пьеса эта «дошла» до современного зрителя, отученного драматургами от восприятия сложных сценических произведений, театру совместно с автором надо было создать новый манускрипт трагедии, назначением которого стало представить актерам сценический материал, легче доходящий до зрителя, чем тот, с которым публика успела ознакомиться на страницах «Молодой Гвардии».

В чем же трудности: виртуозные рифмованные стихи с непривычными для театра созвучиями и богатой игрой слов, трудная экспозиция, большие монологи у одного из действующих лиц, построенные на изощренности его эрудиции, сложное сплетение нескольких тем и многое в таком роде.

Но все эти трудности актерам и режиссерам надо было преодолеть ради того, чтобы втянуть на сцену Сельвинского. Правильно отметил Харьковский «Пролетарий» (26 июня 1929 г.): «Командарм 2» яркое доказательство того, что тема о гражданской войне не устарела. Устарели трафаретные приемы подачи этого грандиозного материала. Современному советскому театру нужна не сотая вариация на тему «Любови Яровой», а глубокое и художественное проникновение писателя в героическую эпоху».

Наш театр торжествует: ему удалось выйти из полосы кризиса не компромиссным союзом с так называемыми революционными драматургами, идущими по пути наименьшего сопротивления и делающими все от них зависящее, чтобы снизить качество современной советской драматургии, а вовлечением на сцену группы сильных поэтов, способных в процессе овладения крепкой новой формой, ставить перед зрителем большие проблемы нашей эпохи.

Главная заслуга этих поэтов, начавших работать на театре, в том, что они считают пролетариат достаточно подготовленным к восприятию более сложных сценических образцов, чем те, которые преподносятся ему драматургами, идущими «в народ» в тогах культуртрегеров, призванных «поучать» и «наставлять».

Еще о спектакле «Командарм 2».

Работая над пьесой Сельвинского, я связал более крепкими узлами концепцию образов Оконный — Вера — Петров, и эту триаду, как одно целое, я противопоставил воле Чуба. Наш театр, более решительно, чем это сделал автор, выдвигает симпатии актеров, участвующих в спектакле, на сторону Чуба и ставит Оконного, Веру и Петрова перед более беспощадным судом, чем тот, перед которым поставил их автор.

Самыми трудными ролями в «Командарме 2» я считаю роли Оконного и Веры. Исполнитель роли Оконного (т. Коршунов) справляется с ней гораздо лучше, чем бывший исполнитель (т. Гарин). Веру исполняет Зинаида Райх, показывая один из труднейших приемов сценического искусства — трансформацию по методу новой школы. Великолепен Боголюбов — Чуб.

Музыка написана В. Шебалиным, в лице которого театр обретает крупного композитора, способного давать значительные музыкальные формы не только для симфонического оркестра, но и для театра, для того «музыкального театра», созданием которого мы теперь заняты.

Вс. Мейерхольд.

„ПРОЛЕТАРСКИЙ ТЕАТР"

Возобновилась прерванная на лето деятельность творческого об'единения драматургов и работников театра—«Пролетарский театр». В течение лета отдельными членами об'единения была проведена значительная работа в различных городах СССР. Устанавливалась также связь с иностранными пролетарскими группами, работающими в области театра.

Первое общее собрание об'единения будет посвящено отчетам о летней работе и проработке плана деятельности в текущем сезоне.

Фракция ВКП(б) Драмсоюза постановила принять тезисы группы «Пролетарский театр» за основу своей деятельности.—Инициативная группа по созданию филиала об'единения «Пролетарский театр» образовалась в Ленинграде.

На-днях подписано соглашение о совместной работе с организацией германских агитационно-пропагандистских театральных коллективов «Красные рупоры». Такое же соглашение подписано с австрийской пролетарской театральной группой.

ОТКРЫТИЯ И ПРЕМЬЕРЫ

ГОСЕТ

5 октября открывает зимний сезон Государственный Еврейский Театр, который первые дни сезона проводит антирелигиозную кампанию, в связи с еврейскими праздниками. Идет **«200000»**.

8 октября — премьера пьесы Добрушина: **«Суд идет»** — в постановке **Ф. И. Каверина** и оформлении **Ис. Рабиновича**, который приглашен руководить всей художественно-постановочной частью театра.

„СИНЯЯ БЛУЗА"

«Синяя Блуза» справляет в начале октября шестилетие своей работы, которая будет ознаменована торжественным выступлением всех 10 ее групп— в Мюзик-Холле. Отчетные показы предварительно будут проведены в рабочих районах—на крупнейших фабриках, заводах и, клубах, где выступления эти будут подвергнуты обсуждению рабочими зрителями.

За шесть лет синеблузники дали **17.500 выступлений в Москве и 8.000 выступлений по СССР** Обслужено ими **свыше 14½ миллионов рабочих зрителей.** 200 выступлений состоялось во время заграничной поездки синеблузников—по Германии, Латвии и Северной Манчжурии.

В истекшем производственном году синеблузники активно участвовали во всех боевых кампаниях: предвыборной, антирождественской и антипасхальной, за грамоту, антимилитаристической, антиалкогольной и др. В репертуаре последнего времени много места уделяется пропаганде пятилетки и проведению социалистического соревнования.

«Синей блузой» выпущено за время ее работы **92 сборника** репертуарного **и методического характера.**

БАЛЕТНЫЙ МОЛОДНЯК

Окончившие в этом году государственные курсы хореографии молодые артисты балета организовали производственную группу в составе 18 человек. Группа эта начала работать в июне.

Под руководством Л. И. Лукина в течение лета она провела 72 выступления для рабочих, профсоюзных и комсомольских организаций. В репертуаре группы—массовые инсценировки и танцы поставленные Л. И. Лукиным, в том числе: «Женщина Узбекистана» — на тему раскрепощения женщины Востока, физкультурные танцы, эксцентрические и др. В настоящее время балетный молодняк готовит ряд инсценировок на революционные темы, первый показ которых будет приурочен к годовщине Октябрьской революции.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Сегодня в порядке проведения непрерывной производственной недели, впервые в сезоне работают два московских театра: Мейерхольда и Камерный.

◆ **Второй пленум ЦК Рабис,** созыв которого был назначен на 30 сентября, отложен на 1 месяц. К моменту созыва пленума предполагается приурочить празднование 10-летия Союза Работников Искусств СССР.

◆ **ГОТОБ 2,** репетирующий в настоящее время новую оперу «Прорыв», осуществляет эту постановку в порядке социалистического соревнования между всеми цехами театра.

◆ **Театр Революции** репетирует в настоящее время пьесу А. Завалишина «Партбилет». Ставит ее В. Ф. Федоров, художественное оформление — И. Шлепянова. Премьера состоится в последних числах октября.

◆ **Театр им. МГСПС** продал на текущий сезон различным организациям 110 целевых спектаклей.— В составе труппы вновь вошли: заслуженный артист Виктор Петина и режисер-инспектор С. Ардов.

◆ **Студия Международного Рабочего Театра** закончила прием первого кадра студийцев. Заявлений было подано 300. Принято 35 человек, из них—27 рабочих, из коих — 12 членов ВЛКСМ. Почти все принятые студийцы командированы той или иной организацией.

◆ **«Власть» А. Глебова** переведена на французский язык. Возможна постановка пьесы в этом сезоне одним из левых французских театров.

◆ **Закончилась гастрольная поездка по СССР артистки драмы В. В. Алексеевой-Мехимовой,** которая, после окончания зимнего сезона в Бакинском Рабочем Театре, была приглашена коллективом артистов этого театра на летние спектакли с ее участием. Всего артисткой за 3 месяца было дано 67 спектаклей, которые прошли с художественным и материальным успехом.

◆ **Районный Мюзик-Холл открывается в Нардоме им. Каляева.** В течение сезона здесь будут выступать периодически отдельные группы «Синей Блузы».

ВЕЧЕРА И КОНЦЕРТЫ

ЧЕХОВСКИЙ ВЕЧЕР

Сегодня—в помещении МХАТ 2—вечер памяти А. П. Чехова. Вступительное слово **Н. Семашко.** Речи — ак. **П. Н. Сакулина и М. Е. Кольцова.** Участвуют народные артисты: О.Л. Книппер-Чехова, М. М. Блюменталь-Тамарина, В. И. Качалов, Л. М. Леонидов, заслуженный артист А. Л. Вишневский, артисты МХАТ2, Студии Ю. Завадского и пр. Начало в 7½ часов вечера.

КИНО

К ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ.

К 12 годовщине Октябрьской революции Совкино выпускает картину Эйзенштейна и Александрова **«Старое и новое».**

Режиссер А. Роом работает над созданием **сборной звуковой программы,** выпуск которой приурочен к Октябрьским торжествам. Для музыкального оформления фильмы приглашен композитор Авраамов.

НОВЫЕ ФИЛЬМЫ.

Режиссер Александр Разумный ведет подготовительные работы по постановке звуковой фильмы **«Железный поток».**

По сценарию Бляхина, режиссером Ивановым-Барковым закончена постановка новой картины **«Иуда».** Иванов-Барков ведет подготовительную работу по постановке большой художественной фильмы **«Аврия»** по сценарию Б. Леонидова.

Режиссер Совкино Ив. Пырьев, постановщик комедии «Посторонняя женщина», приступил к работе над картиной **«Государственный чиновник».** В картиной **«Государственный чиновник».**

КНИГИ И ЛЮДИ

Ближе к марксизму!

П. Н. САКУЛИН. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Часть 2. Новая литература. ГАХН М. 1929. Стр. 639. Ц. 5 р. 40 к. Тираж 5000.

Второй том «Русской литературы» охватывает период с половины XVII в. до 40 гг. XIX ст., в книге рассматриваются такие важные литературные явления, как русский классицизм, сентиментализм, ранний романтизм, зачатки реализма.

Подобно предыдущим работам П. Н. Сакулина, и настоящая отличается всеми характерными для этого ученого достоинствами и недостатками.

К числу положительных сторон труда акад. Сакулина относится богатство рассматриваемого автором фактического материала. П. Н. Сакулин не ограничивается, как это было доселе в традиционных курсах русской литературы, только верхушечным слоем литературы, общеизвестными писателями-«генералами», но рассматривает и низовую, так наз. народную, и середняцкую—мещанскую. В план исследования у Сакулина входят, например, «устное творчество», «народная книга», «крестьянские и мещанские поэты» (Слепушкин, Суханов, Алипанов и др.), «беллетристика разночинцев» (Белинский, Погодин, Павлов, Полевой и др.).

Не менее важно и ценно и то обстоятельство, что Сакулин, опять-таки в отличие от традиционной историографии, оперирует не с отдельными писателями, а выдвигает на первый план своего исследования целые литературные стили. Автор стремится — и справедливо— дать историю не писательских индивидуальностей, а историю литературных течений, стилей, жанров и т. п., автор пишет, напр., о «светской повести», «бытовом жанре», «дворянских стилях» и т. д. То, что в старой историографии служило об'ектом исключительно идеологического, внелитературоведческого, рассматривания, у Сакулина рассматривается как явление литературного стиля, в таком духе Сакулин подходит, например, к масонской литературе, констатируя наличие в русской литературе пр. ст. особого дворянского художественного стиля — «масонизма».

Однако, нельзя и пройти мимо недостатков настоящей работы. В методологическом отношении анализ литературных стилей у Сакулина не является социологически строго выдержанным. Давая правильную общую социологическую интерпретацию литературных стилей, Сакулин уклоняется от социологической дифференциации таковых, дифференциация стилей нередко у Сакулина проводится не по строго выдержанному социологическому принципу, а на основе так наз. имманентного подхода к литературе, такова, напр., по существу, классификация романтических стилей, — см. стр. 352, таково, далее, замечание о «трех ликах русского классицизма (классицизм ортодоксальный, аполлоновский и дионисийский) (стр. 104). Подлинно-социологический анализ отдельных литературных фактов часто заменяется простым обследованием их с точек зрения чисто формальной и историко-культурной, как, например, можно указать на V и VI главы 1 части.

Отходя во многом от методических традиций старых «историй литературы», Сакулин, таким образом, пока не становится полностью и на путь четкого историко-материалистического исследования

Оставляя окончательное суждение об общей сакулинской схеме русской литературы до выхода в свет остальных томов настоящего труда, выразим пожелание, чтобы в последних отход нашего ученого от до-марксистской историографии протекал бы более интенсивно, иначе и данный труд П. Н. Сакулина будет лишен того актуального научного значения, на которое претендует его автор, и констатировать которое было бы столь желательно в общих интересах нашего молодого литературоведения.

Арк. Глаголев

Буряны революции

С. ГЕХТ.—Штрафная рота (Повесть). Изд. «Пролетарий» М. 1929. Стр. 126, ц. 80 к.

Р. ФРАЕРМАН.—«Буран». (Повесть). Изд. «Федерация», М. 1929, стр. 154, ц. 85 к.

Две повести о смежных периодах гражданской войны. У Гехта—гауптвахта московского батальона в тылу в те дни, когда шли мешечники, Деникин и вошь. «Незлостный дезертир» в центре повествования. У Фраермана — конец 1919 г., Амур, Уссури, в буранах, где, шагая через анархистов, максималистов, японцев, опирались на лучших из партизан, утверждалась большевистская власть.

На книжке Гехта мы видим, как краткий фрагментарный очерк перерастает себя и переходит в беллетристический очерк, протяженностью в полтораста — двести страниц. Очерк такого типа имеет сейчас право на жизнь. С точки зрения такого очерка можно признать удачным незатейливое сцепление эпизодов у Гехта, из которых каждый мог бы стать концом «повести». Она, действительно, оборвана на одном из них без четкой развязки. Если бы мы, как автор, настаивали на определении книги как «повести», мы признали бы, что она бессюжетна. Сюжета—целеустремленной организации фабульных эпизодов—здесь нет, замысел не раскрывается, выводы не напрашиваются. Но есть меткость штриховых характеристик; например, сравнение мамонтовского казака с «незлостным дезертиром» Саулом.

Не потому Фраерман свою повесть назвал «Бураном», что рассказывается в ней о вьюгах Амура, но оттого, что буран» развертывается еще в двух планах, кроме метеорологического. В плане психологическом, любовном—«буран», «сметение чувств» интеллигента Семена из-за Маруси, поповской дочки, несколько напоминающей девушку из «Флигеля» Караваевой. Чувство к Марусе заслоняет тягу Семена к политической деятельности, к большевизму. В плане социальном—буран—борьба различных партий, трудное продвижение партизан к политической зрелости, к большевистской власти.

«Буран» развернут волнующе и куда обоснованнее, чем «просветление» Семена в конце книги. Оно легковесно и внезапно. Опасный ледоход, которым заканчивается повесть, чуть не сгубивший и отрезвивший Семена, напоминает отдельными деталями ледоход у Горького; опасность переезда через Амур может быть лишь поводом, но не причиной оздоровления Семена. Но где же обоснованная причина? За час-другой до переезда через лед было еще так у Семена: «Даже революция, классовая борьба, коммунизм,—все, что до сих пор было таким понятным и необходимым,—вдруг стало ненужным и безразличным». «Бураны» автору удаются лучше, чем «просветления».

Н. Каратыгина.

Борьба двух поколений

ВАСИЛИЙ РЯХОВСКИЙ. — Четыре стены. Роман, ЗИФ, 1929. Стр. 271, тир. 5000.

Настоящий роман Ряховского, как и другие его произведения (напр., «Глухари»), носит на себе печать нарочитой «проблемности». В данном случае автор взял на себя задачу разрешить проблему семьи—семьи коммуниста в условиях нашей обостренной экономической борьбы.

Старый партиец, вышедший из низов, ответственный хозяйственник, бросает первую свою жену—крестьянку, женщину глубоко любящую, но неразвитую. Разорвав с ней, герой безраздумно связывает свою судьбу с подвернувшейся интеллигенткой—женщиной бессодержательной, развращенной и враждебной ему. Она опутывает его сетями лжи, мелких семейных дрязг, она отвлекает его внимание от той большой работы, которую поручила ему партия, она всюду старается использовать для своих личных целей его служебное положение. В результате этот честный работник, преданный партии, но запутавшийся в бытовых противоречиях,—в порыве возмущения убивает ее. Такова тема романа.

Эта тема экономно разработана автором в сложный и округленный сюжет, в котором каждый герой несет полную повествовательную нагрузку.

В романе изображены два поколения людей—старое и молодое. К первому относятся, помимо основных героев, Коломзорова и Юлии—давний партийный товарищ Коломзорова — добродушный старик Кондратий и первая жена героя—Настасья, на долю которой выпала суровая и неприглядная жизнь. Второе поколение представлено советскими студентами—Григорией, Любой, Левкой и Валентиной. Оба эти поколения как бы взаимно освещают житейские противоречия друг друга, и оттого жизнь Коломзорова встает перед читателем во всей своей трагической остроте.

Главнейшим достоинством романа является подлинная жизнерадостность, которой он пропитан от первой до последней страницы. Незабываемо показан сын Настасьи—мальчик Егор, ставший жертвой семейных неурядиц. Надолго запомнится и студент Левка, сначала разочарованно иронизирующий над бессмысленностью жизни, потом полюбивший жизнь крепко и навсегда. Образ Кондратия слишком, пожалуй, сладкав для большевика.

К недостаткам романа следует отнести, прежде всего, игнорирование (или незнание?) автором той стороны жизни героев, которая называется работой, делом. Ведь работа занимает в жизни человека большую часть его интересов, она каким-то образом сказывается и на его личной жизни. Развертывая широкое полотно романа, никак нельзя отделываться только непременными телефонными звонками, автомобилем, увозящим героя на службу, и неизбежным секретарем. Нужно показать и самую сущность работы, как это делал, напр., Лев Толстой, детально описывая экономическое состояние хозяйства помещика Левина и отношение Левина к своему делу. Современный писатель, изображающий коммуниста, тем более обязан проникать в сущность работы, так как работа эта имеет глубоко - общественный, а не личный характер. Читатель только на-слово верит Ряховскому, что Кондратий—слесарь, Левка—медик, а Коломзоров — ответственный работник треста.

Но несмотря на эти недостатки, бесспорно то, что «Четыре стены» являются достижением для Ряховского Эта книга выгодно отличается от всех его ранее написанных книг.

Е. В.

Письма в редакцию

I

Бывают юмористические положения весьма неприятного свойства. Ровно в 7 часов вечера 8-го сентября, я, будучи **в Крыму,** прочел в московских газетах, что в 8 часов вечера я выступаю **в Москве** на вечере художников. В виду того, что в течение часа я не мог очутиться в Москве и в виду того, что устроители вечера заведомо знали, что выступать я не могу, — прошу довести до сведения посетителей вечера этот (не первый уже) факт, «свободного» распоряжения именем писателя. Необходимо прекратить (выражаясь мягко) введение в заблуждение аудитории.

А. Безыменский

II

До нас дошли сведения, что талантливой чтице Агнессе Давидовне Рубинчик чинятся различные препятствия в работе, путем каких-то особых переквалификаций. Считаем своим долгом заявить, что т. Рубинчик является чтицей особого жанра так называемого «поэтического чтения» и в настоящее время она целиком переходит на современную тематику и нет никакого смысла мешать ей работать.

Если есть необходимость в переквалификации, то мы просим ввести в комиссию ряд поэтов, т. к. поэты заинтересованы, чтобы т. Рубинчик продолжала свою нужную работу.

Ник. Асеев, Вера Инбер, В. Казин, Иосиф Уткин, П. Орешин, И. Сельвинский, В. Кириллов, Лежнев, Д. Благой, Б. Агапов, А. Безыменский, Ив. Молчанов, Бачелис.

ПОПРАВКИ

В резолюции общего собрания Московского отдела ВСП, напечатанной в № 22 «Лит. Газеты», допущена следующая ошибка: в 3-й абзац включена фраза: «Что руководящую роль в Союзе играют нередко литературные дельцы, «специалисты» по переговорам и улаживаниям конфликтов с другими писательскими организациями и советскими учреждениями». Эта фраза общим собранием не принята, и резолюция ее не включает.

В № 23 «Л. Г.» в заметке «На новых путях» допущена ошибка. В фразе «Правление Московского отдела ВСП решило отозвать из правления издательства «Федерация» тт. А. Тихонова и А. Сфроса и поставить в секретариате ФОСП'а вопрос о замене их новыми представителями из состава правления ВСП, вместо: «А. Тихонова» следует читать: «И. А. Новикова».

ИЗВЕЩЕНИЯ

30 сентября, в 7¼ ч. в., в помещении Большого зала Московской Консерватории газета «К трудовому общежитию» устраивает большой вечер-концерт, в котором примут участие заслуженные и народные артисты Республики и поэты.

Ответственный редактор С. И. КАНАТЧИКОВ.
Издатель: АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК».

ВЫШЕЛ НОВЫЙ № 18
СОВЕТСКОЕ ФОТО
Цена номера 30 к. Требуйте во всех газетных киосках.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ
Подписная цена на 3 мес. — 1 р. 50 к.
С приложением фотографической библиотеки — 2 р. 50 к.
ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА, 6, Страстной бульв., 11, „ОГОНЕК"
Подписка принимается также всюду на почте.

ЮЖХИМТРЕСТ
ЛУЧШИЙ СОВЕТСКИЙ КАРАНДАШ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ХИМСИНДИКАТ

ВЫШЕЛ НОВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА 9
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
№ 9
Решительный момент. — Л. Рябинин. Обогнать Америку. — Н. Лапшин. На „Красном Треугольнике". — Л. Сангурский. Врачи-изобретатели. Всесоюзный смотр. — Г. Ильин. Новый патентный закон. — Юрист. Какие изобретения могут быть запатентованы. — Л. Фишман. Германское патентное бюро. — А. Берман. Календарь главнейших изобретений. — Инженер и фантастика изобр. — Н. Вейголинский и др.
Цена номера — 35 копеек
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ
3 мес. — 1 руб., 1 мес. — 35 коп. Изобретатель с 6-ной изобретателя 3 мес. — 1 руб. 75 коп., 1 мес. — 65 коп.
Москва, 6, Страстной бульвар. 11, „ОГОНЕК".

НОВИНКИ

ПОСЛЕДНИЕ НОВИНКИ

БРАЖНИН, И.
ПРЫЖОК
Роман. Издание 4-е. Стр. 235. Цена 2 р.

БЯДУЛЯ, З.
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
Перев. с белорусск. К. Яновчика. (Творч. нар. СССР). Стр. 161. Ц. 1 р. 20 к.

ФИЛИППОВ, А.
ЮНОСТЬ
Повесть. (Современная пролетарская литература). Стр. 215. Ц. 1 р. 40 к.

ЯНОВСКИЙ, М.
КОММУНА СТА ТРИДЦАТИ ТРЕХ
Стр. 181. Цена 80 коп.

ПАСТЕРНАК, Б.
ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ
Стихи разных лет. Стр. 159. Цена 2 р. 25 к., в кол. пер. 2 р. 85 к.

ЕРОШИН, ИВ.
СИНЯЯ ЮРТА
Первая книга стихов. Стр. 112. Цена 1 р. 10 к.

ЗАЛКА, МАТЭ.
ПОВЕСТЬ О ВЕЧНОМ МИРЕ
(Новинки Западно-Европейской литературы). Стр. 175. Цена 1 руб.

АД.
СБОРНИК РАССКАЗОВ ЯПОНСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Перев. с японского Ел. Терновской. Стр. 189. Цена 1 р.

ФАДЕЕВ, А.
СТОЛБОВАЯ ДОРОГА ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Стр. 94. Цена 60 коп.

МАРКСИСТСКОЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
Библиографический указатель литературы на русском языке, Состав. ч. С. Мандельштам, Ред. Н. К. Пиксанова. Стр. 126. Ц. 1 р. 25 к.

КРЫЛЕНКО, Н. В.
ПО НЕИСЛЕДОВАННОМУ ПАМИРУ
Со вступит. статьей проф Щербакова. С многочисл. фото-иллюстрациями в тексте. Стр. 255. Цена 1 р. 75 к.

Продажа во всех магазинах, отделениях и киосках Госиздата
Москва, 64, Госиздат, „Книга почтой" высылает немедленно все книги по получении заказа.

ВЫШЕЛ № 38
Цена номера — 10 к.
Цена книжки — 15 к.
САМОГО РАСПРОСТРАНЕННОГО В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА ОГОНЕК
В НОМЕРЕ: Г. Сандомирский — Ватикан № 2. Очерк. Г. Гедроновский — Резня у „стены плача". Очерк. В. Правдухин — Через месторождения пасеку. Рассказ. А. Терской — Восстание непрыщающих. Очерк. О. Владимиров — Рассказ о стиральной машине. КРАСНАЯ АРМИЯ — МЕЧ В РУКАХ ТРУДЯЩИХСЯ. Снимки М. Хала. НА НЕПРЕРЫВНЫЙ ХОД. Фот. А. Шебхета. „КРОССВОРД" — игра читателей „Огонька". В номере много снимков.
ВЫШЛИ ОЧЕРЕДНЫЕ КНИЖКИ БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК"
ПОЛЬ МОРАН — Черная магия
БОРИС КУШНЕР — Летучий шотландец
ТРЕБУЙТЕ У ВСЕХ ГАЗЕТЧИКОВ И ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ КИОСКАХ.

ВЫШЕЛ В СВЕТ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ СПЕЦИАЛЬНЫЙ № 37 ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА САТИРЫ И ЮМОРА „ЧУДАК"
СОДЕРЖАНИЕ: Михаил Кольцов — О семи чудесах города Рязани. Д. Кунин — Дни и ночи в Туле. Б. Левин — Смоляне. И. Ильф и Е. Петров — Ярославль перед штурмом. Ефим Зозуля — Старое и новое в Калуге. Тур — Тверь на уровне. В. Катаев — Город в русском вкусе. А. Гарри — Ситцевая столица. Рисунки художников: Бор. Ефимова, И. Малинина, И. Малютина, В. Козловского, Календарь Чудака, Научная панорама Нижнего-Новгорода. Веселый газ.
Номер отпечатан в 8 красок.
Цена отдельного номера 15 коп.
Требуйте у всех газетчиков и во всех железнодорожных киосках

ЧИТАЙТЕ НОВЫЙ „ЖУРНАЛИСТ" № 18
САМОКРИТИЧЕСКИЙ
В нем провинциальные редакторы рассказывают о „ШИПАХ и РОЗАХ", которых удостаиваются их газеты на путях самокритики. В том же номере в статье „НЕУМОЛИМОЕ ТРЕБОВАНИЕ" обрисована передовая роль Ленинградской печати в развертывании самокритики. В номере много другого интересного материала.
ЦЕНА № 35 к. Требуйте во всех газетн. киосках.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 3 м. — 2 р. 1 м. — 70 к.
ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА, 6, Страстн. б., 11 Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК"
Подписка принимается также всюду на почте

В ближайшее время выходит из печати книга из серии БИБЛИОТЕКИ „СОВЕТСКОЕ ФОТО"
Л. МОГОЛИ-НАГИ
Живопись и фотография
С 33 фото-иллюстрациями на отдельных листах
Цена в розничной продаже 1 р. 50 к.
Заказы и деньги адресовать: Москва, Страстной бульвар 11. АКЦИОНЕРНОМУ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ „ОГОНЕК".

№ 18 ВЫШЕЛ № 18
ЗА РУЛЕМ
№ 18
В НОМЕРЕ: Н. Осинский. — Положение в Америке. Д. Соловей. — Социалистическое соревнование и Автодор. Инж. А. Назаренко. — Дороги в деревне. И. Халепского, М. Рогова, Инж. А. Бокова и другие статьи. Номер обширно иллюстрирован.
Цена № — 25 к. Требуйте во всех газетн. киосках.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ
3 мес. — 1 р. 30 к.; 1 мес. — 50 к., отд. ном. 25 к.
МОСКВА, Страстной бульв. 11, „ОГОНЕК".
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ ВСЮДУ НА ПОЧТЕ.

Главлит А 48030.
2-я типография «Искра Революции» Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп., 13.